

32
140

ПАУСТОВСКИЙ, Ливны, ливенцы

Лидия Беляева

Лидия Беляева

ПАУСТОВСКИЙ
Ливны
ливенцы

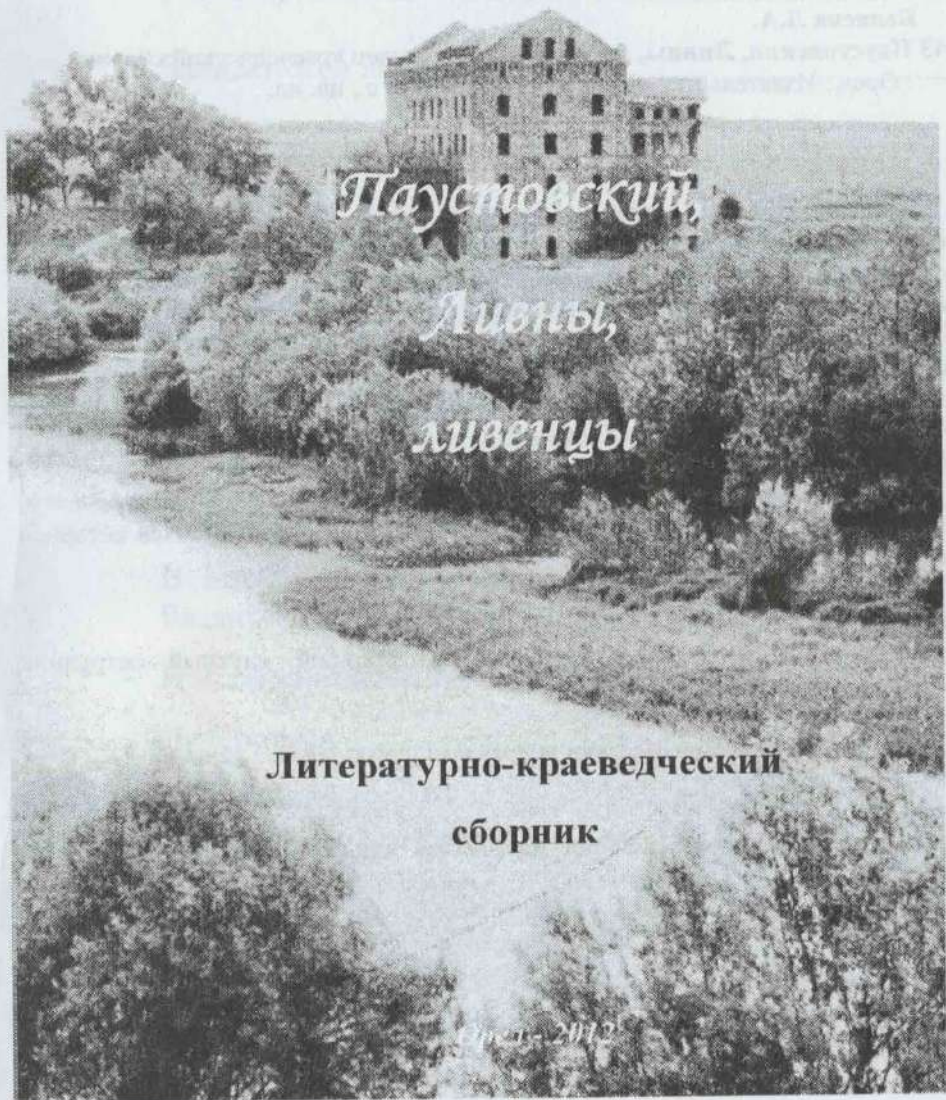

К. Паустовский

Лидия Беляева

Паустовский

Ливны,

ливенцы

Литературно-краеведческий
сборник

1972

УДК 94(47)

Б 43

Книга издана на средства автора.

Автор благодарит Ю.И. Бондарева за помощь в подготовке рукописи к печати.

Беляева Л.А.

Б 43 **Паустовский, Ливны, ливенцы.** Литературно краеведческий сборник. – Орел.: Издательство «Картуш», 2012. – 116 с., цв. ил.

В этой книге автор ставит перед собой задачу познакомить читателей со всеми известными упоминаниями о Ливнах и ливенцах в художественных произведениях, письмах, воспоминаниях, дневниках известного русского советского писателя К.Г. Паустовского и его сына. Это в какой-то мере позволит уберечь от забвения воспоминания ливенцев-очевидцев интересных подробностей жизни К.Г. Паустовского в Ливнах, познакомить с судьбами этих ливенцев; рассказать о том, как хранят память о писателе современные почитатели его таланта, приобщить к их числу новых поклонников таланта К.Г. Паустовского.

Этот литературно-краеведческий сборник предназначен краеведам, учителям литературы и широкому кругу читателей, интересующихся историей Ливенского края.

Дизайн обложки – Л.В. Бондарева и Ю.И. Бондарев

Технический редактор – Ю.И. Бондарев, старший научный сотрудник Ливенского краеведческого музея.

На 1-й и 4-й странице обложки использовано фото О.П. Тупкина

Использование и перепечатка материалов книги – только с разрешения автора.

© Беляева Л.А., 2012

© Дизайн Бондарев Ю.И., Бондарева Л.В., 2012

Оглавление

Слово к читателю	4
К.Г. Паустовский и Нацкие	13
Заливенское лето	40
Ливны глазами писателя	67
Незабываемые встречи	76
Память о К.Г. Паустовском	89
Приложение.	
Послесловие к ливенским дням Паустовского	97
А. Борщаговский «В Ливнах, на берегу Быстрой Сосны»	97
В. Касаткин «Дорогами Константина Паустовского: Рязань-Солотча-Ливны»	103
Н. Степанищев «Ливенские летописцы»	106
Литература	115

Слово к читателю

Константин Георгиевич Паустовский (1892 – 1968 годы) выдающийся писатель XX века, классик русской советской литературы за свою жизнь побывал во многих уголках Советского Союза, в странах дальнего и ближнего зарубежья. Он писал: «почти каждая моя книга – это поездка. Или, вернее, каждая поездка – это книга».

В 1928 и 1931 годах писатель жил и работал в Ливнах. Город, жители, природа дали писателю такие впечатления, которые легли в основу повестей «Кара-Бугаз», «Повесть о жизни» – главы: «Девонский известняк», и «Старинная карта»; «Повесть о лесах» – главы: «Мечтательница», «Разговоры за чайным столом», «Овраги», «Старая яблоня»; «Золотая Роза» глава «Ливенские грозы»; рассказов «Старая рукопись», «Лето в Ливнах», «Старик в потёртой шинели»; очерка «Как я работаю над своими произведениями», и др.

Константин Георгиевич встречался с ливенцами, писал ливенцам. Сам писатель посещению Ливен придавал некоторые черты исключительной важности для своего творчества. Он многократно писал, что пребывание в Ливнах, знакомство с некоторыми ливенцами дало ему толчок к созданию произведения, которое он сам называл первой своей «настоящей книгой» – повести «Кара-Бугаз». Большая часть книги была написана в Ливнах.

***

Но, прежде чем подробно рассказать о связи города, его обитателей с писателем, несколько слов о самом писателе.

Паустовский К.Г. Фото 1960 г.

Константин Георгиевич Паустовский родился 31 мая 1892 года в Москве в Гранатном переулке в семье железнодорожного статистика. Учился в 1-й Киевской классической гимназии, два года учился в Киевском университете, затем перевелся в Московский университет.

В начале первой мировой войны работал вожатым и кондуктором на московском трамвае, потом – санитаром в полевом санитарном поезде. С 1916 по 1923 год Паустовскому, как он и говорил сам, «не давала покоя муза дальних странствий». Он жил и работал в Киеве, Таганроге, Батуме, Юзовке, Тифлисе ездил в Армению и северную Персию. В эти годы он осваивал различные профессии, но чаще всего работал в газетах. В свободное время начал писать свой первый роман «Романтики».

В 1923 году он вернулся в Москву, где, почти десять лет проработал редактором РОСТА (позже переименовано Телеграфное агентство Советского Союза – ТААС), а в то же время продолжал писать рассказы и повести.

В 1928 году вышел сборник рассказов «Встречные корабли». После выхода в свет в 1932 г. повести «Кара-

Бугаз» он оставил службу и занялся полностью своей любимой работой – писательством.

1924-1925 гг. Паустовский К.Г. среди сотрудников РОСТА.
(Второй слева в верхнем ряду).

Ездил по стране Паустовский очень много. Он побывал на Кольском полуострове, жил в Мещере, ездил на Кавказ и Украину, Волгу, Каму, Дон, Днепр, был в Средней Азии, в Крыму, на Алтае, в Сибири и т.д. Одним из полюбившихся мест для писателя стали и Ливны. И каждая поездка рано или поздно выливалась в новую повесть, рассказ, эссе.

«Почти в каждой повести и каждом моём рассказе – пишет он, – видны следы скитаний».

Поездки на юг дали нам повести, романы, рассказы: «Романтики», «Блистающие облака», «Кара-Бугаз», «Черное море», «Парусный мастер», «Синева», «Этикетки для колониальных товаров» и др. «Пленительная власть севера» вызвала к жизни такие

книги как «Судьба Шарля Лонсевиля», «Северная повесть», «Озерный фронт», «Беглые встречи» и др. Но «самое большое, простое, бесхитрое счастье» Паустовский нашел в средней России в лесном Мещёрском краю. Он писал: «Средней России – и только ей – я обязан большинством написанных мною вещей». Главным из них стали для него: «Мещерская сторона», «Исаак Левитан», «Повесть о лесах», цикл рассказов «Летние дни», «Старый Чёлн», «Телеграмма», «Кордон 273», «Во глубине России», «Ильинский омут». Эти повести и рассказы стали поистине украшением русской литературы о природе. Сам, большой любитель рыбной ловли, он поэтически описал десятки рек и озёр, полей и лесов.

Герои его рассказов умеют понимать и ценить красоту мира, человеческую доброту и душевную щедрость.

Часть рассказов и сказок адресована детям. Эти произведения учат умению видеть и ценить природу, быть добрыми и трудолюбивыми.

«Стальной перстенок», «Кот ворюга», «Барсучий нос», «Растрепанный воробей», «Теплый хлеб», «Стальное колечко» и др.

Константин Георгиевич создал целую галерею литературных портретов творческих выдающихся личностей: это «Орест Кипренский», «Исаак Левитан», «Тарас Шевченко», «Булгаков и театр», «Оскар Уайльд», «Фридрих Шиллер», и еще не один десяток биографий замечательных людей.

С первых дней Великой Отечественной войны Паустовский отправился на фронт в качестве

корреспондента Телеграфного Агентства Советского Союза. Он часто находился на линии огня, был свидетелем и участником жестоких боёв на суше и на море.

Корреспонденции Паустовского с фронта печатались в газетах и журналах страны.

В художественной публицистике военных лет Паустовский раскрывал историческую преемственность героизма русского народа, показывал войну как зло, приносящее огромные страдания людям, звал на священную борьбу с врагом, утверждал веру в победу.

Всё увиденное и пережитое вошло в сборник рассказов «Наши дни», в рассказы «Кружевница Настя», «Робкое сердце», «Держимся, товарищ Нахимов», «Ленинградская ночь», пьесах и многих других вещах.

В послевоенные годы в своих произведениях Паустовский стремился глубже раскрыть проблему взаимоотношений человека и природы.

Он настойчиво разрабатывает тему сохранения и восстановления лесов, лесов, которые имеют не только большое народнохозяйственное, но и эстетическое значения. Он призывает к бережному отношению к лесному богатству, к красоте родной земли. Примером этому служит «Повесть о лесах» и многочисленные рассказы и очерки.

Драматургия Паустовского насчитывает более десятка пьес. Его пьесы «Созвездие гонимых», «Пока не остановится сердце», «Счастье», «Наш современник», «Поиски героя» и др. с большим успехом шли в театрах страны.

Композитор С.Прокофьев написал музыку для балета «У моря» по мотивам рассказа «Роза ветров».

В Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова долго была в репертуаре опера В.Н.Трембицкого «Кружевница Настя» - либретто Паустовского по одноименному рассказу.

Творчество Паустовского было тесно связано с кинематографом. По его сценарию поставлены художественные кинофильмы «Кара-Бугаз», «Лермонтов», «Северная повесть», «Телеграмма», «Корзина с еловыми шишками», «Музыка Верди».

Стремясь передать богатый жизненный и литературный опыт молодому поколению писателей, Паустовский читает лекции в Литературном институте.

А в 1964 году вышел в свет плод его многолетнего опыта писательского мастерства «Золотая роза», о прекрасной сущности писательского труда. Сам Паустовский называл «Золотую Розу» автобиографической повестью.

Он писал: «Это не мемуары, а именно повесть, где автор волен отступать от подлинных событий. Но в главном я более или менее придерживаюсь этих событий».

Последние годы в пору его творческой зрелости, Паустовский работает над большой автобиографической эпопеей «Повесть о жизни» куда вошли 6 книг: «Далекие годы», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», «Время больших ожиданий», «Бросок на юг», «Книга скитаний». В эпопее отразилась жизнь России с грандиозными потрясениями войн и революций. Разнообразие фактов,

обдуманый выбор памятных подробностей, пёстрая жизнь столицы и провинций – всё это делает книги Паустовского волнующим литературным документом времени. В 1965 году это произведение было выдвинуто на соискание Нобелевской премии. И это не было случайностью.

Великая Марлен Дитрих, приехавшая в Москву в 1960-х, в ответ на приглашение выступить в Доме литераторов спросила: "А Паустовский будет?". Этому ей никто не мог обещать. Последние годы писатель болел. И когда в конце того вечера он поднялся на сцену, зал замер: Марлен Дитрих опустилась на колени перед Константином Георгиевичем... В аплодисментах почти потонули слова, которые она повторяла со слезами: "Данке шен, герр Паустовский, данке шен...". Этот легендарный эпизод визита "Фрау Бессмертие" в Москву – лишь отзвук того почтения и признания, каким пользовался писатель.

Паустовский любил и защищал «сверкающий, певучий, живописный и богачейший в мире» русский язык, способный передать не только «всё богатство духовного мира нашего человека... но и все богатства природной жизни страны – её шумов, её очарований – от соловьиного боя до гула сосновых вершин и от мгновенной зарницы до жгучей росы в траве».

Он поддерживал народное движение за чистоту, свежесть и выразительность языка, «за умножение языковых богатств в соответствии с эпохой».

Богачейший художественный язык Паустовского изучается и издаётся многотомным словарем языка Паустовского под редакцией Л.В. Судавичене. Такие

именные языковые словари имеют три русских писателя: А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. А теперь такой чести удостоен К.Г. Паустовский.

Произведения Паустовского любят и читают у нас в России и во многих странах мира, где переведены его повести и рассказы. Его именем названы улицы, корабли, библиотеки, открытые музеи в тех городах, где жил и творил писатель. Московский Литературный музей – центр К.Г. Паустовского с 1992 года издает прекрасный журнал «Мир Паустовского».

Произведения писателя, публициста, критика – К.Г. Паустовского изучают в школах и институтах. Они с честью прошли испытание временем.

Ливны, по времени пребывания в городе К.Г. Паустовского, стали каплей в его богатой «скитаниями» жизни. Но в творчестве писателя они оставили неизгладимый след.

Поэтому важно было объединить все известные на сегодняшний день факты связанные с жизнью этого замечательного человека и писателя в Ливнах, уберечь их от забвения, рассказать о людях, встретившихся на его жизненном пути и об их влиянии на писателя и его творчество.

***

Я впервые приобщилась к творчеству Паустовского в 1962 году, когда юнкором литературно-краеведческого клуба «Проталинка» приняла участие в подготовке и проведении празднования 70-летия писателя в Ливнах. А в 1969 году, будучи студенткой пединститута, писала курсовую работу по теме «Ливенские мотивы в

творчестве Паустовского», которая получила высокую оценку Орловского писателя Л.Н. Афонина – профессора института и пожелание заниматься этой темой дальше.

За сорок лет накопился большой дополнительный материал. Мне выпала честь участвовать и выступать с докладами на Всероссийских и региональных конференциях, праздниках, посвященных жизни и творчеству К.Г.Паустовского.

В разные годы Ливенские краеведы Ф. Ковалев, Г. Рыжкин, Н. Барабанов писали статьи о пребывании Паустовского в Ливнах. Более 50 материалов напечатал в разных изданиях краевед Ю.Н. Беляев.

Моей задачей было познакомить читателей со всеми известными упоминаниями о Ливнах и ливенцах в художественных произведениях, письмах, воспоминаниях, дневниках писателя и его сына. Хотелось уберечь от забвения воспоминания ливенцев-очевидцев интересных подробностей жизни К.Г. Паустовского в Ливнах, познакомить с судьбами этих ливенцев; рассказать о том, как хранят память о писателе современные почитатели его таланта, приобщить к их числу новых читателей.

Этот литературно-краеведческий сборник предназначен краеведам, учителям литературы и широкому кругу читателей, интересующихся историей своего края».

К.Г. Паустовский и Нацкие

С 1923 года К.Г. Паустовский работал редактором Российского телеграфного агентства. Помимо этой работы, он писал рассказы, очерки и печатал их в различных изданиях.

В 1925 году вышел в свет маленький сборничек «Морские наброски», куда вошли ранее написанные очерки и рассказы. Критика обошла его молчанием.

Но, когда в 1927 году вышел второй маленький сборничек «Минетоза», критика обрушилась с уничтожающими оценками творчества автора и назвала его произведение «печальные заблуждения молодости». Критика оказалась болезненной для тридцатипятилетнего автора.

Зиму 1928 года Паустовский посвятил работе над книгой «Встречные корабли». Работа шла нелегко. Редакция требовала выбросить отдельные рассказы «как романтические эпизоды, не имеющие социальной значимости».

С трудом он договорился в издательстве «Молодая гвардия» на издание «своей первой настоящей книги» – как автор сам назвал ее позднее. Все эти большие и маленькие неприятности, холодная зима не могли ни отразиться на душевном состоянии и здоровье Константина Георгиевича. Обострилась хроническая эмфизема легких. Нужно было найти тихое, спокойное место, чтобы доработать книгу.

В «Книге скитаний» в главе «Девонский известняк» он пишет: я отпросился из РОСТА и поехал в Ливны. Мне хотелось отдышаться после трудной жизни и затяжной московской зимы». Ему надо было

восстановить здоровье и душевное состояние. А сделать это могла Нина Дмитриевна Нацкая – старый друг и опытный врач.

Вот так в апреле 1928 года К.Г. Паустовский приехал в Ливны, маленький уездный город Орловской губернии, чтобы отдохнуть и поработать в тишине.

В Ливнах жила давняя знакомая молодой семьи

Паустовских Нина Дмитриевна Нацкая – врач железнодорожной больницы.

Их дружба началась во времена первой мировой войны, в 1914 году, когда

Н.Д. Нацкая, К.Г. Паустовский и Е.С. Загорская – будущая жена

Константина Георгиевича – служили в передвижном госпитале – санитарном поезде № 226. Нина

Нацкая и Екатерина

1915 г. Паустовский К.Г. - санитар.

Загорская учились на Высших женских курсах в Москве. Когда началась война подруги подали прошение об отправке их на фронт, и были зачислены сестрами милосердия в санитарный поезд. А студент

Московского университета Константин Паустовский служил в этом госпитале санитаром.

Позже, в 1916-17 гг. когда Нацкая завершала учебу на

Высших женских курсах, а Константин Георгиевич

сотрудничал в московской газете «Власть народа», их дружба

продолжалась. В дневниках Константина

Георгиевича за эти годы встречаем краткие пометки:

«Звонил Нине», «В Гиреево на даче Нина Нацкая, Крол (так он называл Екатерину Загорскую); «Утро. У дверей Нина

Нацкая», «Первомайский праздник. С Ниной Нацкой и

Галактионовой – в город. Падает снег, алое море плакатов. Поют Марсельезу. Нам холодно и весело», «Восстание в Петрограде. Три тревожных дня. С Ниной Нацкой по Петровке».

12 января 1916г. в письме Е.С. Загорской из Москвы в Ефремов он пишет: «11-го с утра у К-ских. Нина как-

1914 г. Загорская Е.С. – сестра милосердия.

(Фонды музея Паустовского К.Г. г. Москва).

то на редкость проста и радостна... Нина предложила мне билет на Кусевицкого...». Добрые дружеские отношения поддерживались перепиской после отъезда Нины Дмитриевны в Ливны. Поэтому, когда весной 1928 года Константин Георгиевич почувствовал себя нездоровым и уставшим, он решил ехать в Ливны к «старому другу Нине Дмитриевне Нацкой».

1924 г. Нацкая Н.Д.

В Ливнах Нина Дмитриевна жила в доме на ул. Акатовской вместе с матерью Варварой Петровной и братом Александром Дмитриевичем, геологом-пенсионером. Паустовскому очень понравился дом Нацких и тот теплый прием, который ему оказали. В «Повести о жизни» он написал: «...Я чувствовал необыкновенную любовь к таким домам, как у Нацких. В этих, домах, как выражались

в старину, можно было отдохнуть душой». Из окна докторского кабинета виднелись, такие дали и такие мягкие округлые нагорья, что даже замирало от взгляда на них сердце.

А у подножья этих далей, увалов, оврагов и взгорий широкой по весне лентой протекала под

Железнодорожный мост через р. Сосну в Ливнах.

железнодорожный мост река Быстрая Сосна».

В этой же главе «Девонский известняк» он описывает кабинет Нацкой:

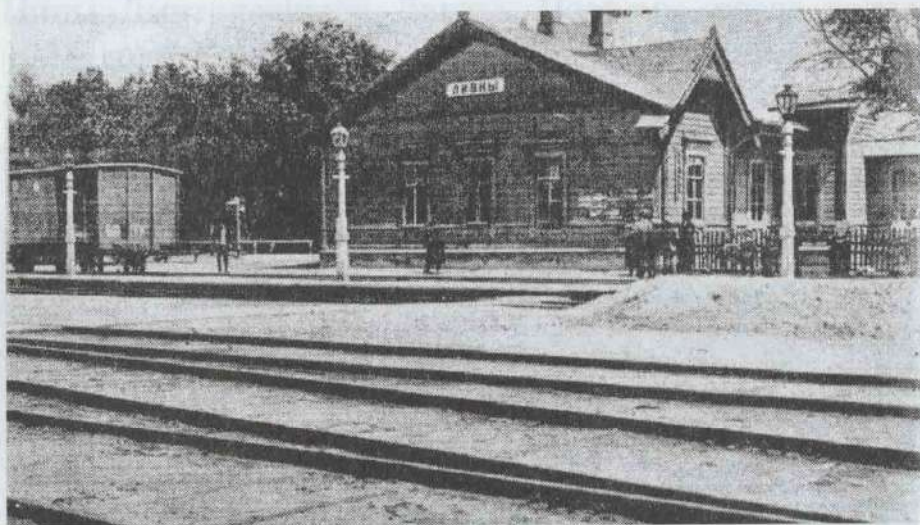
«В кабинете доктора, где мне стелили на диване, висели фотографии юношей, похожих на писателя Гаршина, с длинными волосами и курчавыми бородками, и девушек в черных и тугих шелковых корсажах с буфами и гладкими прическами. У всех девушек были открытые, очень русские лица и серые глаза».

Сын Паустовского, Вадим Константинович, побывавший в этом доме в 1931 году вспоминает:

«Мне... хочется рассказать о самом доме — старинном, деревянном, с очень высокими потолками и

такими же высокими белыми кафельными печами. Было в облике его комнат что-то устоявшееся, кабинетное. Может это чувство рождалось от

Вокзал на ст. Ливны. Начало 20-го века.

сочетания старой дубовой мебели с коричневым цветом стен, от меланхолического боя напольных часов...

Обитатели дома относились друг к другу с трогательной предупредительностью, которая давно стала достоянием романов прошлого века. Особенно отец любил старушку, мать Нацких. В её ненавязчивой заботе о других сочеталась ласковость и трогательная пунктуальность. Например, яйца всмятку она варила с аптекарской точностью до нескольких секунд.

Отец очень любил ее рассказы о Москве и русской провинции чеховских времен, которую она прекрасно знала и отлично помнила.

В последние годы этот дом связывался в моем представлении с жизнью некоторых чеховских героев. Кусты сирени под окнами... почти полностью

заглушали шум проходящих поездов и гудки маневровых паровозов на запасных путях».

Вот в таком приятном, уютном доме прожил К.Г. Паустовский в апреле-мае 1928 года. Он быстро подружился с обитателями дома: Варварой Петровной и ее сыном Александром Дмитриевичем. Дружбу с Ниной Дмитриевной Константин Георгиевич пронес через всю свою жизнь.

***

Особо надо рассказать о Нине Дмитриевне Нацкой. Она родилась в селе Колодезь (Кунач) Хмелевской волости Орловской губернии в 1890 году. С 1900 года семья жила в Ливнах. Нина окончила Ливенскую женскую гимназию. С раннего детства она мечтала стать врачом. Главную роль в этом выборе сыграло то, что врачом был ее отец, человек влюбленный в

1899 г. с. Колодезь, Ливенский уезд. Нацкая Н. и Нацкий А.

медицинское дело. Слава об отце Нацкой, как бескорыстном и самоотверженном враче-исцелителе, жила еще долго после его смерти в Ливнах, Ельце и даже в Орле. Его вдова и дети относились к нему с благоговеньем и почитали его не только за врачебный талант и чуткость, но и еще и потому, что он был тесно связан с народниками, боготворил Н.Г.Чернышевского.

До революции женщине трудно было получить высшее образование. Нине Дмитриевне пришлось приложить максимум усилий, чтобы пробиться на медицинский факультет Бестужевских курсов – Высших женских курсов.

Но первая мировая война прервала учебу. Курсистка Нацкая была зачислена сестрой милосердия в передвижной госпиталь, санитарный поезд № 226.

В 1916 Нацкая продолжила учебу в Москве и получила диплом врача. Став врачом, Нацкая вернулась в Ливны. Она, как бы заменила умершего отца. Очень скоро ее узнал не только город, но и уезд. Коллеги считали ее высококомпетентным специалистом и приглашали на консультации в Орел, Елец, Курск. Со временем Нина Дмитриевна многим великовозрастным людям по старой привычке говорила «ты», так как лечила их еще в те времена, когда они были мальчишками и девчонками. Человеком она была редкого душевного благородства. До пожилых лет сохранила внешность курсистки-бестужевки.

Внешне она была очень привлекательна: высокая, стройная, очень решительная с неизменным пенсне.

Нина Дмитриевна была строжайшей ревнительницей правды – во что бы то ни стало.

«– У меня медицинский ум, – частенько говорила она.

– Я не понимаю, какая может быть польза для человека от выдумок, даже самых приятных. Любая правда лучше и человечнее их».

Константин Георгиевич называл ее «чеховским самоотверженным врачом».

Семью Нацких постигло тяжелое горе: брат Нины Дмитриевны, знаменитый геолог, исследователь Туркмении и Западного Казахстана, во время одной из своих экспедиций попал в плен к басмачам и заболел неизлечимой психической болезнью. С 1920 по 1922

1965 г. Нацкая Н.Д.

год он скитался по Красноводску и

другим южным городам. С большим

трудом Нина

Дмитриевна отыскала брата и привезла его в

Ливны. Геолог был признан инвалидом

первой группы. За его заслуги ему была

назначена персональная пенсия.

Он нуждался в особом уходе. Эти

обязанности взял на себя Нина

Дмитриевна. Всю

свою жизнь эта мужественная женщина посвятила больному брату.

Нина Дмитриевна, как врач железнодорожной больницы, обслуживала железнодорожников и их семьи от станции Ливны до станции Мармыжи. Поезда ходили редко, поэтому у врача была своя «Скорая помощь» - пара вороных и пролетка.

Долгое время кучером в больнице работал М.И. Винокуров, который поддерживал с Нацкой переписку до самой ее смерти. Он рассказывал, что Нина Дмитриевна выезжала по любому вызову днем или ночью, в будни и праздники, и всегда торопила своего кучера ехать быстрее.

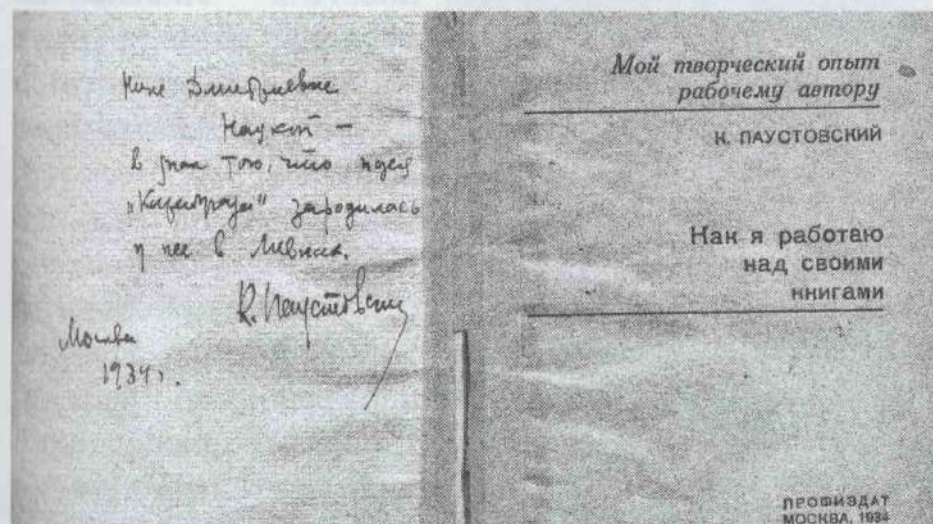
В 1938 году ее арестовали по ложному доносу, будто бы она не сдала золото государству. Четыре месяца она находилась под арестом. За это время сняли персональную пенсию с А.Д. Нацкого и дали ему обычную. После того, как ее отпустили, Нацкие быстро собрались и уехали из Ливен в Павлов Посад вместе со своей экономкой Анной Моногаровой. В Павловом-Посаде Нина Дмитриевна работала врачом. Всю войну с 1941 по 1945гг она спасала жизни раненых в военном госпитале.

Умерла Нацкая в 1975 году, пережив на шесть лет своего брата.

****

Константин Георгиевич поддерживал постоянную дружескую связь с Ниной Дмитриевной. Он дарил ей каждую свою вышедшую книгу с трогательными автографами. Часть этих книг Нацкая передала в Ливенский краеведческий музей. Из автографов видно, с каким уважением Паустовский относился к Нацкой. Я приведу в этой подборке некоторые из них:

- «Встречные корабли», повести и рассказы, М.1928 г.
- «Старому другу Нине Нацкой», 15 сентября 1928 г. К. Паустовский.
- «Ценный груз» М., 1931 г.
- «Нине Дмитриевне взамен писем», (временно), 30 апреля 1932г. К. Паустовский.
- «Кара-Бугаз» М., 1932 г.
- «Дорогой Нине Дмитриевне на добрую память о лете в Заливенке в 1931 г.», ноябрь 1932 г. К. Паустовский.
- «Колхида», М., 1934 г.
- «Нине Дмитриевне Нацкой – в знак дружбы», ноябрь 1934 г. К. Паустовский
- «Как я работаю над своими книгами» М., 1934 г.

Автограф Паустовского К.Г. на книге, подаренной Нацкой Н.Д.

- «Нине Дмитриевне Нацкой – в знак того, что идея «Кара-Бугаза» зародилась у нее в Ливнах». К. Паустовский. (Хранится у автора).

Мы узнаем Ливенского врача Нину Дмитриевну Нацкую в образе Нины Парфирьевны Евсеевой из «Повести о лесах», Марии Дмитриевны Шацкой в главе «Ливенские грозы», в «Золотой розе»; Нины Дмитриевны Нацкой в «Девонском известняке».

Позднее, вспоминая, первую поездку в Ливны, Паустовский пишет:

«Вскоре я уехал из Ливен, но эти дни весны я долго не мог забыть. Есть такое слово «светлость». Все эти дни в Ливнах были наполнены этой светлостью, как солнцем».

***

Ливны. Нацкий А.Д. с велосипедом.
Начало 20-го века.

Но самый большой след в творчестве писателя Ливенского периода оставил брат Нины Дмитриевны Александр Дмитриевич Нацкий.

А.Д. Нацкий родился в 1889 году, как и его сестра, в селе Колодезь. В 1900 году Нацкие переехали из села в Ливны – нужно было учить детей. В том же году Александр поступил в Ливенское реальное училище, где

в то время работало несколько прогрессивных преподавателей, в том числе самоучка преподаватель

математики и рисования астроном-любитель Евграф Быханов. Училище это воспитало для Родины много достойных людей.

А.Д. Нацкий очень рано, с десятилетнего возраста, проявил интерес к естественным наукам. Отец купил ему велосипед – предмет, редкостный по тем временам. И на нем Саша много путешествовал по Орловскому краю, усердно собирал коллекции минералов и окаменевшие отпечатки древних животных.

Нацкие были интеллигентной, образованной и либерально настроенной семьей, где много думали и говорили о служении русскому народу. Вполне закономерно, что Саша Нацкий мечтал посвятить себя науке, принести народу как можно больше пользы.

Окончив реальное училище, Александр в 1907 году поступил на геологический

1910 г. Нацкий А.Д.

факультет Киевского университета. У него быстро установились тесные связи с преподавателями, особенно с академиком Н.И. Андрусовым.

Андрусов «заразил» Нацкого интересом к Закаспийской области, которая в то время была изучена очень слабо. В 1910 году А.Д. Нацкий во время летних каникул впервые побывал на полуострове Мангышлак (Каспийское море) в составе научной экспедиции под руководством Н.И. Андрусова. С тех пор пустынный дикий край навсегда покорила Нацкого.

Однако для своей дипломной работы он избрал тему «Девонский известняк» (девон-период в истории земли, начавшийся 410 миллионов лет назад и продолжавшийся 60 миллионов лет). Материал для дипломной работы он собрал во время летних каникул на Ливенщине, где находятся самые мощные в мире

*Пустыня Кара-кум. Экспедиция с участием Нацкого А.Д.
(Фото Нацкого А.Д.).*

девонские отложения. Университетская государственная экзаменационная комиссия признала работу Нацкого представляющей научный интерес, и она была опубликована в виде книги «Девонский известняк» в Киеве в 1912 году.

В том же году А.Д. Нацкий поступил на работу в Геологический комитет – главное государственное геологическое учреждение России, который изучал геологическое строение и минеральные богатства страны. Капитальные труды по геологии, созданные учеными этого комитета, принесли ему мировую известность.

А.Д. Нацкий был принят в комитет на должность практиканта (сегодня мы бы сказали – младшего научного сотрудника), а в 1914 году получил должность адъюнкт-геолога (старшего научного сотрудника).

С 1912 года по 1919 г. Нацкий ежегодно, даже несколько раз в год, проводил экспедиционные работы в качестве начальника геолого-разведочной партии. Он работал в пустынях и горах Закаспия, а это тогда значило – ненаселенные места, бездорожье, отсутствие карт местности, невыносимый зной, безводье, пыльные и песчаные бури.

Нацкий с большим трудом находил проводников, к тому же они были ненадежны. Даже за приличные деньги туркмены не соглашались идти в безводные горы Копет-Дага или в знойную пустыню Кара-Кум.

На утомительных маршрутах геологической партии гибли лошади и верблюды, уходили рабочие, убегали проводники-туркмены. Но Нацкий продолжал работу.

Он обладал поразительным упорством и научной одержимостью, работал неистово, увлеченно, словно предвидел, что судьба отпустит ему очень мало времени для любимого дела.

Путь Нацкого пролегал по горам Западного Копет-Дага и Малого Бап-хана, по пустыне Кара-Кум и полуострову Мангышлак. Он изучил стратиграфию нижнего мела (наука о последовательности отложения

слоев горных пород в осадочной оболочке Земли: мел – период в истории Земли, начавшийся 137 миллионов лет назад и продолжавшийся 70 миллионов лет), тектонику (наука о рельефе земной поверхности).

А.Д. Нацкий первым дал разработку происхождения рельефа Туркмении и фаз ее

Члены экспедиции Нацкого А.Д. в горах Копет-Дага. (Фото А.Д. Нацкого).

четвертичной истории (период, начавшийся 1,5 миллиона лет назад и продолжающийся до настоящего времени), составил геологические карты; стратиграфические схемы. Первым он сделал научное заключение о месторождениях серы и сернистых источников в Кара-Кумах, исследовал состав специальных глин на Мангышлаке.

С 1912 по 1919 год А.Д. Нацкий опубликовал 13 работ, которые не потеряли своего научного значения и до настоящего времени, широко используются современными геологами. Значительная часть материалов А.Д. Нацкого осталась неопубликованной, однако и они принесли большую пользу геологической науке.

Ученые высоко оценили научно-исследовательскую и теоретическую работу А.Д. Нацкого. Бывший министр геологии В.Я. Антропов, директор Всесоюзного научно-исследовательского геологического института М.Ф. Шитиков назвали Нацкого «крупным специалистом в области геологических исследований, основоположником и творцом геологии Туркмении и Западного Казахстана».

Большая Советская Энциклопедия представляет Нацкого как ученого-энтузиаста, а Энциклопедия Туркменской ССР – видным и талантливым русским ученым. Именем Нацкого назван один из хребтов Копет-Дага.

В 1919 году Нацкого на одном из его геологических маршрутов захватили басмачи. Его подвергли изощренным по своей бесчеловечности пыткам, требуя материалы геологических изысканий. Освободил

Нацкого один из отрядов Красной Армии. От перенесенных мучений геолог заболел неизлечимой психической болезнью и в 30 лет от роду работать более не смог. Сестра Нина Дмитриевна привезла его из Красноводска в Ливны. Учитывая большие заслуги ученого, Правительство установило для него персональную пенсию.

К.Г. Паустовского заинтересовал этот высокий, стройный, еще молодой, но совершенно седой человек.

Однако Нацкий был уже болен и дальнейшей работы не продолжал. Геолог был человеком не очень общительным и Паустовский решил ждать, когда Нацкий сам предложит ему беседу.

Паустовский вспоминал об этих днях: «Пока была распутица, геолог в основном сидел дома и редко выходил из своей комнаты. С утра он прочитывал от доски до доски газеты, потом, почти до ночи что-то быстро писал, исписывая за день толстую общую тетрадь».

За вечерним чаем, он вел себя также безучастно.

С наступлением теплых дней геолог «все время бродил по городу и полям вокруг него и брал с собою в спутники девушку – дочь машиниста Таю - и меня.

Иногда с нами ходила его сестра Нина Дмитриевна – строгая на вид, но добрая и близорукая сорокалетняя женщина, очень решительная в своем медицинском деле и влюбленная в это дело, как был влюблен в него ее отец».

Эти прогулки продолжались почти каждый день. Но геолог ни слова не говорил о Кара-Бугазе. Говорили часто о Киеве, об университете, где Нацкий и

Паустовский учились почти в одно время на разных факультетах.

Но «...однажды он вошел в кабинет, и высыпал на письменный стол из картонной коробки много фотографий.

– Хотите посмотреть места, – спросил он, – куда вам нельзя никогда ездить?

– Почему?

– Потому что при вашем цвете глаз и волос вам опасно спускаться ниже 45-й параллели. Я геолог и точно это знаю. Смотрите, тут такие наглядные пласты пород, складки, свиты и обрывы, каких нет нигде больше ни в Европе, ни в Азии. Смотрите спокойно и не пугайтесь. Если захотите, я вам кое-что объясню.

Он ушел, загадочно улыбаясь. Я встал, сел за стол и взял в руки первую же большую фотографию.

Под ней была подпись: «Горы Усть-Урт. Вид с северо-запада, со стороны Мангышлака».

Я всмотрелся в фотографию и меня взяла оторопь.

В необыкновенной ясности воздуха над глинистой пустыней, усеянной мелкими сухими камнями, вздымалась отвесная черная стена высотой в 200-300 метров – гладкий порог, как бы срезанный ножом исполина.

Казалось, что в этом месте пустыня расколосась. Неведомые силы подняли половину её к небу гигантским домкратом.

На отвесной стене не было ни трещин, ни следов водомоин, – то была совершенно девственная стена, будто только что возникшая здесь, несмотря на многие

тысячелетия, безусловно прошедшие со времени ее образования.

Вопреки словам геолога, мне не стало страшно. Наоборот, жадное любопытство охватило меня, жестокое желание увидеть эти места лицом к лицу и почувствовать не страх, а какой-то непонятный восторг перед грозным одиночеством этих скал, раскаленных солнцем.

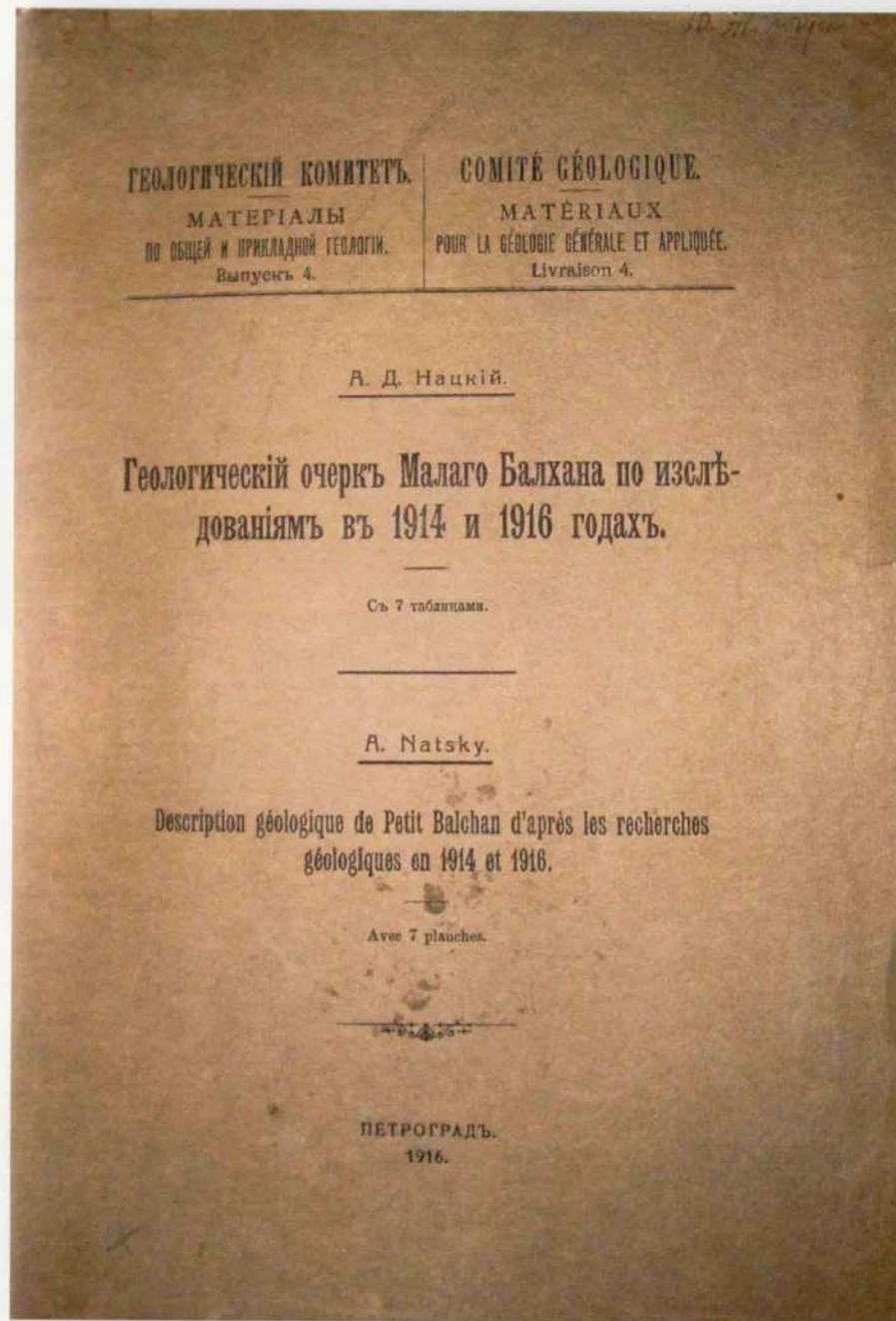
Очевидно, такое же состояние может охватить человека при виде катаклизмов, космических катастроф, извержений и великих ураганов, меняющих в одно мгновение знакомый облик земли.

То был застывший катаклизм».

И начались удивительные дни, точнее часы, за которые Паустовский узнавал больше, чем за годы жизни.

Нацкий, имея обширнейшие знания и богатейший личный опыт, познакомил писателя с общими проблемами геологии, палеоэкологии, гидрогеологии, с рядом современных концепций, связанных с проблемами образования пустынь под влиянием различных естественных факторов. Он ввел Паустовского в круг конкретных задач по сохранению богатств недр, сокращению действия отрицательных природных факторов и в целом преобразование пустыни и хозяйственное ее освоение.

В частности, Нацкий дал Паустовскому представление о конкретном количестве запасов мирабилита в Карабугазском заливе, о роли этого минерала для экономики страны, о технических задачах по организации его добычи.

Отчет Нацкого А.Д. об экспедициях на Малый Балхан.

Фрагмент карты Каспийского моря. В этих местах Нацкий А. проводил исследования, а Паустовский К. собирал материалы для написания своей книги «Кара-Бугаз».

Горы в Туркмении. Фото Нацкого А.Д.

1910 г. Члены геологического кружка Киевского университета. Нацкий А. в первом ряду второй слева. Киев.

Разлив на р. Сосне в конце 1920-х годов, который в один из своих приездов в Ливны наблюдал Паустовский К.Г.

*Ливенское реальное училище, в котором учился Нацкий А.Д.
(Фото начала 20-го века).*

Нацкий А.Д. в библиотеке. Киев 1909 г.

Выход девонских известняков на берегу р. Сосна в районе г. Ливны.

Ливны. 1996 г. Беляев Ю.Н. и директор московского музея Паустовского Комаров И.И. у дома Бондаревых, где в 1931 году жил и работал Паустовский К.Г.

Начало 20-го века. Ливны. Общий вид на центр города с северо-запада на юго-восток.

Начало 20-го века. Ливны. Общий вид на центр города с юга на север вдоль ул. Советской (Соборной).

Ливны в 21-м веке. Общий вид.

Ливны в 21-м веке. Вид на кафедральный Сергиевский собор.

МИНИСТЕРСТВО СЪЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ: ЛИВНЫ ОРЛОВСКОЙ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ ЗНАНЯ ЛЕНИНА БЕЛЛЕВУ

ПЕРЕДАЧА: ЛИВНЫ ОРЛОВСКОЙ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ ЗНАНЯ ЛЕНИНА БЕЛЛЕВУ

Бл. №. 59

Москва 240/16 49 29 1008

Часто вспоминаю Ливны и Ливенцев в частности Чеховского самоотверженного врача Нику Дмитриевну Напкую Быструю сосну бездесуцих Ливенских Мальчишек и жаркий сад где я писал в ветхой беседке свою первую большую книгу спасибо за память и привет Корниевцевой Вам Смирнову и всем участникам = Паустовский =

Медицинская типография. Табл. 132.

1962 г. Телеграмма К.Г. Паустовского в Ливны Беляеву Ю.Н.

В.К. Паустовский и А.И. Бондарева.
(Встреча спустя 65 лет Ливнах. 1996 г.)

1996 г. Конференция в Ливнах.
Фото Э. Набоковой.

1996 г. Конференция в Ливнах. Выступает М. Холмогоров. Фото А. Коршуновой.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Лавровый
венок

Лидии Александровне
Беляевой
Теплыми пожеланиями
и благодарностью за
исследования ливенского
периода в жизни
К.Г. Паустовского

Вадим Паустовский

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

2 июля
1987 г.

Л.А. Беляева - хозяйка праздника.
«Дни Паустовского в Ливнах».
1996 г.

Л.А. Беляева в Московском
музее Паустовского. 1992 г.

Московский литературный центр-музей
К.Г. Паустовского. Москва, парк Кузьминки.

*Ю.Н. Беляев - организатор празднования 70-летия
К.Г. Паустовского в Ливнах в 1962 г.*

*1996 г. Краеведы В.В. Зайцев и Л.А. Беляева И.И. Комаровым (в центре) –
директором Московского литературного музея-центра К.Г. Паустовского у
Адамовой мельницы. Любимое место рыбалки писателя.*

Нацкий знал великолепно историю географического исследования Закаспия и сообщил Паустовскому десятки фамилий исследователей и промышленников, содержание и судьбы их усилий.

Он познакомил Паустовского с частью хранящихся у него материалов по исследованию побережий Кара-Бугаза.

Кроме того, Нацкий рассказал ему личные впечатления о ходе установления Советской власти и Гражданской войны в Средней Азии. По признанию Паустовского, Нацкий был блестящим и увлекательным собеседником и давал точные сведения.

От Нацкого он узнал, что почти никаких печатных материалов о побережье залива Кара-Богаз-Гол нет. В тех местах из ученых кроме Нацкого и Андрусова никого не было.

Нацкий показал Паустовскому свои научные работы, в том числе неопубликованные, карты и сотни фотографий, сделанных им в Закаспии, поведал о своих странствиях.

К.Г. Паустовского больше всего заинтересовал залив Кара-Богаз-Гол. И Нацкий рассказал об истории его исследования – об экспедициях ученых Бековича-Черкасского, Карелина, Сиверса. О причудливой природе этого дикого края.

Паустовский сделал много записей: перерисовал несколько карт. Он очень увлекся тем, что узнал, и уезжал из Ливен в Москву окрыленным. Много лет спустя писал: «Я ехал в Москву в переполненном жестком вагоне. Я был уверен, что поезд мчит меня к счастью. Замысел новой книги роился у меня в голове.

Я верил в то, что напишу ее. Я пел, высунувшись из окна, какие-то бессвязные слова о том, что нет на свете милее края, чем Россия. Ветер щекотал лицо, как распустившиеся девичьи косы. Мне хотелось целовать эти косы, этот ветер, эту холодную родниковую землю... Все что я видел за окном и весь этот хаос радости, что бился в груди, соединились непонятным для меня образом в решении – писать, писать и писать... В этот миг для меня было безразлично, вокруг чего соберутся, к какой теме будут стянуты, как магнитом, мои мысли о прелести Земли, мое страстное желание оградить ее от истощения, чахлости и смерти. Через некоторое время эти мысли вылились в замысел «Кара-Бугаза...»

В «Книге скитаний» Паустовский, вспоминая историю создания «Кара-Бугаза», напишет: «Так впервые в тихом провинциальном доме, где застенчиво цвел на окнах бальзамин, родилась мысль о книге, целиком взятой из реальной и суровой, даже жестокой жизни. Я начал много думать об этой книге и готовиться к поездке на Мангышлак и в Кара-Бугаз.

А когда через три года мне удалось совершить эту поездку и начать писать книгу, я второй раз приехал в Ливны. В силу чего – не знаю. Может быть в силу прямой противоположности Ливенских мест Закаспийской пустыни».

Но не только по этой причине.

В Ливнах жил Нацкий, а именно он, его материалы, его знания, его консультации нужны были Паустовскому. Побывав в Закаспии он другими глазами смотрел на ученого. О том, что Паустовский до

последнего дня работы над книгой пользовался материалами А.Д. Нацкого говорит автограф писателя на его книге «Ценный груз» «Нине Дмитриевне взамен писем (временно) 30.03.1932 г.». (Писем Нацкого из экспедиций).

Паустовский навсегда сохранил чувство глубокой благодарности к замечательному ученому из Ливен. Он писал о А.Д. Нацком в «Книге скитаний», «Золотой розе», в брошюре «Как я работаю над своими книгами», в статье «О новелле».

В 1954 году К.Г. Паустовский написал письмо в Центральную комиссию по персональным пенсиям Совета Министров РСФСР. «Жизнь и работа талантливого человека зачастую оставляет следы не только в той области, которой этот талантливый человек посвятил свои силы, но в других, подчас неожиданных областях.

Среди ученых Советского Союза широко известно имя геолога Александра Дмитриевича Нацкого – исследователя Туркмении и Казахстана. Почти все научные экспедиции в этой области Средней Азии до сих пор руководствуются трудами А.Д. Нацкого, несмотря на то, что их автор в течение долгих лет тяжело болен и лишен возможности работать.

Но не об этом я хочу сказать, а о том, какое влияние оказал А.Д. Нацкий на меня, как писателя. Ему я, по существу, обязан своей книгой «Кара-Бугаз», встретившей общее признание в стране и среди писателей, начиная от Алексея Максимовича Горького и кончая Роменом Ролланом. Это признание в значительной мере относится к А.Д. Нацкому.

Я встретился с этим ученым, наделенным редкой душевной чистотой и обширными познаниями, совершенно случайно в городке Ливны Орловской области в тридцатых годах. Нацкий в то время был уже болен психической болезнью. Болезнь иногда отпускала его, и в эти минуты душевной ясности он столько рассказывал мне интереснейших вещей о Средней Азии, Кара-Кумах и Кара-Бугазе, что эта тема глубоко заинтересовала меня, толкнула на дальнейшие розыски материала и привела, наконец, к созданию повести «Кара-Бугаз», и геолог Нацкий стал прототипом геолога Шацкого в этой повести»

Поводом для составления этого письма послужили следующие обстоятельства. В 1926 году Нацкому в полном соответствии с его научными заслугами, была назначена довольно высокая персональная пенсия. В 1938 году без объяснения причин, эта пенсия была заменена обычной, значительно ниже персональной. Нацкий в то время жил под опекой своей сестры, которая работала врачом. Нацкая вопрос о восстановлении персональной пенсии не поднимала, так как считала, что ее зарплаты, плюс небольшая пенсия брата, вполне достаточно.

Но в 1953 году обстоятельства изменились, Нацкая вышла на пенсию и обнаружила, что денег у нее и брата весьма мало. И тогда она начала хлопотать. Нацкая обратилась к людям, которые могли компетентно установить научные заслуги А.Д. Нацкого, с просьбой походатайствовать о восстановлении ему персональной пенсии. В центральную комиссию по установлению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР

написали заявления министр геологии и охраны недр СССР П.Я.Антропов, директор Всесоюзного научно-исследовательского института геологии Л.Я. Нестеров, член – корреспондент АН СССР В.П. Ренгартен и другие.

В письме Антропова, в частности, было сказано: «А.Д. Нацкий – является крупным специалистом в области геологических исследований Туркмении и Западного Казахстана. С 1912 по 1919 годы он проводил полевые экспедиционные работы в этих районах в качестве начальника геолого-разведывательной партии. Им выполнено и опубликовано 13 научно-исследовательских работ, которые и до настоящего времени не потеряли своего научного значения и широко используются нашими геологами, работающими в указанных районах».

Паустовский принимал самое активное участие в хлопотах о пенсии. Свое письмо в Москву он закончил словами: «Я полагаю, что заслуги А.Д. Нацкого перед Советской наукой так велики и бесспорны, что только досадным и неприятным недоразумением может быть лишение этого выдающегося и талантливому ученого персональной пенсии.

Неужели лица, лишившие Нацкого пенсии, полагают, что прошлые заслуги не требуют признания и благодарности? Советский народ ценит своих талантливых людей и никогда не оставляет их в беде.

Почему же оставлен в беде А.Д. Нацкий? Это недоразумение необходимо исправить».

Ходатайства авторитетных людей повлияли на ход дела. Персональная пенсия Нацкому была восстановлена.

Нацкому не удалось создать научных трудов по своим материалам, т.к. они оказались разрозненными, часть их – утерянными, некоторые длительное время хранились за границей.

Только в 70-е годы десять главных работ А.Д. Нацкого были прореферированы в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина в связи с составлением 49 тома «Геологической изученности СССР».

Среди геологов мира, пожалуй, не было людей, подобных Нацкому, которые к тридцатилетнему возрасту выполнили такой большой объем работ на высоком профессиональном уровне.

Н.Д. Нацкий умер в 1969 году в Павловом Посаде.

Реальное воплощение трудов Нацкого – замечательный город Шевченко на восточном берегу Каспия с комплексом предприятий добывающей и перерабатывающей промышленности, форпост освоения богатств Туркмении.

После смерти А.Д. Нацкого начальник управления геологии СМ ТССР Н.Т. Сукпов писал сестре Александра Дмитриевича: «Многоуважаемая Нина Дмитриевна! Управление геологии Совета Министров Туркменской ССР выражает Вам глубокую признательность за готовность оказать помощь в сборе материалов о жизни и деятельности известных ученых геологов, проводивших геологические исследования на территории Туркмении. Весь собранный материал

будет храниться в геологическом музее Управления геологии СМ ТССР и будет использован, как в научных целях, так и в целях создания запланированного фильма об истории геологических исследований в республике.

Управление геологии СМ ТССР надеется, что Вы своими воспоминаниями о жизни и деятельности Александра Дмитриевича и близких его коллег сможете оказать огромную помощь в нашей работе. (Хранится в Ливенском краеведческом музее).

Итак, в 1928 году пересеклись судьбы двух незаурядных людей: геолога А.Д. Нацкого – сделавшего главное дело своей жизни, и К.Г. Паустовского – начинающего писателя.

Подлинные факты жизни А.Д. Нацкого настолько взволновали воображение писателя, что он на протяжении 20 лет вспоминает о нем и создает персонажей: в «Кара-Бугазе» – Александра Шацкого, в «Девонском известняке» – Алексея Дмитриевича, в «Ливенских грозах» – Шацкого Василия Дмитриевича, в брошюре «Как я работаю над своими книгами» и в статье «О новелле» – Нацкого Александра Дмитриевича.

В настоящее время на месте дома Нацких построили большое здание Дома быта, на стене которого установлена памятная доска.

Заливенское лето

Весной 1931 года Паустовский осуществил свое давнее желание – побывать на Мангышлаке и Кара-Бугазе.

«А когда мне удалось совершить эту поездку и начать писать книгу. Я второй раз приехал в Ливны, – пишет Паустовский.

– В силу чего – не знаю. Может быть, в силу прямой противоположности ливенских мест закаспийской пустыне...

...Мне легче было писать о Кара-Бугазе в дремоте старого дома, под непрерывную переключку слободских петухов, под ровный звон дождевой воды, лившейся с крыши в старую бочку, поглядывая за окно, где сквозь облака просвечивало по временам нежаркое и безопасное солнце».

1930-е годы. Вадим Паустовский и Екатерина Степановна Загорская.

На сей раз Константин Георгиевич приехал с женой Екатериной Степановной Загорской – художником театра Мейерхольда и шестилетним сыном Вадимом. Поселились они сначала у Нацких. Но, как писал в воспоминаниях Вадим Константинович: «Близость железной дороги стала причиной нашего переезда от Нацких в дальнюю часть города, в Заливенку, в самый

1930-е годы. Заливенка.

крайний в Ливнах дом. Он стоял на высоком берегу реки Сосны и был окружен уже не сиренью, а лишь пустыми полями и тишиной. Потом этот ливенский дом, где мы на лето сняли комнату, я узнавал во многих вещах отца, хотя «населен» он был часто иными людьми».

Нина Дмитриевна Нацкая договорилась с продавцом железнодорожного магазина Бондаревым Иваном

Александровичем о квартирантах. Уважаемому врачу он не мог отказать. Краевед Ю.Н. Беляев записал воспоминания дочери Бондаревых – Алисы Ивановны о своей семье и жизни Паустовских в их доме и опубликовал в газете «Знамя Ленина».

«Мы жили в добротном кирпичном доме, который построил еще наш прадед. Дом находился в самом конце улицы. Палисадник с цветами выходил на крутой обрывистый берег Быстрой Сосны. Сразу за порогом стелилась девственная степь.

Наша семья была большая и дружная. Я бы еще добавила: веселая. Папа – Иван Александрович, мама – Пелагея Емельяновна, мои братья – Тихон, Александр, Георгий, Николай, Михаил и младшая сестренка Таня. Отец до революции служил приказчиком у богатого купца Аксенова. Ему довелось немало увидеть, пережить. Он на себе испытал и равнодушие, и издевки «хозяина», стал активно участвовать в профсоюзном движении. За это купец невзлюбил отца и всячески старался от него избавиться. При советской власти папа поступил в Ливенское городское коммунальное хозяйство, работал продавцом в продуктовой ларьке.

В обыденной жизни отец был прост и приветлив, интеллигентен в словах и манерах. Увлекался садоводством, много читал. Вечерами штудировал книги Мичурина. Собрал богатую и интересную домашнюю библиотеку, постоянно выписывал пять-шесть газет. Сослуживцы неизменно выделяли его в своей среде, как культурного человека, старшего по летам и жизненному опыту – в начале 30-х годов ему уже перевалило за шестьдесят.

Мама занималась домашним хозяйством, отдавала всю себя детям.

Моим главным полусом притяжения в те годы была живопись. Рисовать я начала лет с десяти. Сначала перерисовывала карандашом картинки из книг и журналов. Потом стала писать тушью, акварельными красками. Школьные учителя, друзья тепло отзывались о моих натюрмортах и пейзажных набросках. Много времени проводила в Ливенском краеведческом музее, где знакомилась с копиями картин Шишкина, Репина, Сурикова, а также с полотнами нашего земляка – Николая Дмитриевича Лосева. Словом, мечтала стать художницей.

Алиса Бондарева. (Фото 1931 г.).

К тому времени, когда в нашем доме поселилась семья Паустовских, мне исполнилось семнадцать лет. Прекрасно помню, как в один из июньских дней далекого 1931 года к нам во двор зашли невысокий худощавый мужчина в светлом полотняном костюме, миловидная женщина в ярком шелковом платье и мальчик лет шести-семи. Они отреко-

мендовались приезжими из Москвы, сказали, что хотели бы снять комнату на все лето.

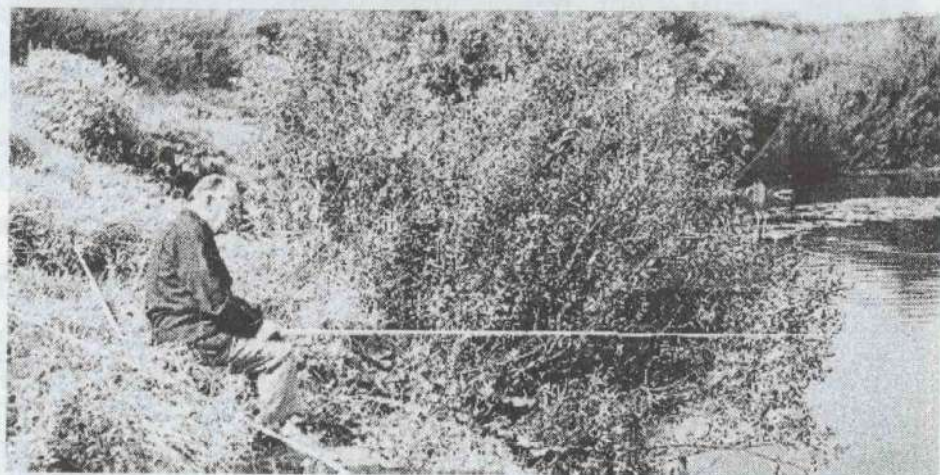
В нашем доме имелось восемь комнат. Одну из них — с тремя окошками на северо-западную сторону — родители выделили Паустовским. В ней мы поставили широкую кровать для супругов, маленькую койку для их сына Вадима, письменный стол, диван, шкаф для одежды, несколько гнутых венских стульев. На полу — кадки с фикусами, на подоконниках — горшки с олеандрами.

Отец с первых дней жизни квартирантов легко подружился с Константином Георгиевичем Паустовским. Они часто вместе гуляли по саду, который примыкал к дому. Папа угощал Паустовского раннеспелыми яблоками. По вечерам отец и Константин Георгиевич пили чай в нашем «большом зале». Затем оба усаживались в палисаднике и беседовали до глубокой ночи. Разговаривали неторопливо, обстоятельно. Обычно Паустовский расспрашивал папу о его жизни. А тот основательно, по-крестьянски, рассказывал Константину Георгиевичу о себе, вникая во все детали. Иногда они разводили на задах огорода костер и варили в котелке пшеничную кашу «с дымком».

Паустовские жили дружно. Я не припомню случая, чтобы между супругами возникали какие-нибудь размолвки. Вели они себя на редкость деликатно, старались ничем не беспокоить хозяев. Соберутся, к примеру, на рыбалку. Встанут на утренней заре. Ходят на цыпочках, дверью не хлопнут, разговаривают

шепотом. Во двор выбираются через окно. Мы проснемся, а квартирантов уже в доме нет.

Константин Георгиевич ходил ловить рыбу на омут Адамовой мельницы, что в трех верстах от нашего дома. Почти всегда возвращался с богатым уловом. Иной раз отправлялся на рыбалку вместе с моим отцом и братом Георгием на лодке-плоскодонке. Под руководством Георгия (ему то время было двадцать пять лет) учился удить рыбу в быстротекущей воде местным способом — «нахлыстом».

Паустовский на рыбалке.

Чета Паустовских любила совершать прогулки в степь, наслаждаться запахом разнотравья, собирать цветы, слушать пение птиц. Вообще у Константина Георгиевича не было четко расписанного распорядка дня. Он мог, скажем, неделю рыбачить, отдыхать, а потом неожиданно усаживался за письменный стол, становился сосредоточенным и несколько дней кряду что-то писал с утра до позднего вечера. В эти часы в доме устанавливалась тишина. Мы старались, чтобы

каждая минута и каждый час прошли с пользой для писателя. Отец строго корил любого из нас, кто невзначай мог крикнуть, прогреметь чем-нибудь.

Паустовский часто работал по ночам. Электрический ток тогда подавался в дома только до 23-х часов. Поэтому отец приносил в комнату Константина Георгиевича керосиновую лампу с синим или розовым абажуром. Паустовский придвигал ее поближе к себе, склонялся над стопкой чистой бумаги и работал, бывало, в тихом полумраке до утра.

Константин Георгиевич постоянно прочитывал все газеты, которые выписывал отец, часто пользовался различными книгами из нашей домашней библиотеки. Много читала и его жена – Екатерина Степановна. Кстати, мне посчастливилось близко сойтись с этой простой интересной женщиной, которая и в обстановке нелегкого провинциального быта умудрялась оставаться изящной.

Как-то я набралась смелости и показала Екатерине Степановне свои рисунки. Оказалось, что жена писателя тоже увлекается живописью. Она похвалила мои работы. Предложила вместе заниматься рисованием. Обычно мы брали переносные мольберты, краски, кисти и отправлялись в сад, на берег реки или еще куда-нибудь. Делали пейзажные зарисовки, изображали на холстах общий вид города, открывавшийся нам с заливенских бугров.

Помню, мне долго не удавалось подобрать нужный колер для верного отображения облаков на фоне голубого неба – краски смешивались не так, как хотелось бы. Помогла Екатерина Степановна. Как-то за

*Вид на центральную часть Ливен со стороны Заливенки.
(Начало 20-го века).*

общим ужином она выставила два наших холста, поинтересовалась, чья работа лучше. Константин Георгиевич отдал первенство мне. Между тем было совершенно ясно, что своей оценкой писатель хотел лишний раз ободрить меня.

В один из дней Паустовский спросил, нет ли у меня желания поступить учиться в художественную школу. Я призналась, что давно мечтаю об этом. Спустя некоторое время Константин Георгиевич сказал:

– Я разговаривал с твоим папой. Он согласен отпустить тебя учиться в Москву, но с одним условием: жить будешь у нас...

Я не удержалась и поцеловала писателя. Потом бросилась на грудь отца и залилась счастливыми слезами.

Паустовский стал хлопотать за меня. Вскоре он сообщил адрес художественного училища, дал мне бланк вступительной анкеты, сказал, какие документы и художественные работы следует подготовить. Документы ушли в столицу.

В сентябре Екатерина Степановна уехала в Москву. Она отнесла в училище мои рисунки. В скором времени от нее пришло письмо, в котором сообщалось, что я прошла творческий конкурс, зачислена в художественное училище, и мне необходимо срочно отправляться на учебу. Собрала чемодан. Но отъезд пришлось отложить.

Нежданно-негаданно случилась беда: тяжело заболел отец. Хирург Петр Савич Баженов сделал ему операцию, рекомендовал постельный режим, полный покой. Однако папа не послушался врача, пошел на работу. В дороге с ним случился приступ. Отец с невероятным трудом возвратился домой, свалился в постель.

Константин Георгиевич тут же вскочил в пролётку, помчался к врачу – Нине Дмитриевне Нацкой. Она выписала нужные лекарства. Паустовский поспешил с рецептами в аптеку. Писатель буквально не отходил от больного. К сожалению, лечение не помогало. Отцу становилось все хуже и хуже. Через несколько дней он скончался.

Паустовский плакал, не скрывая слез, помогал нам в организации похорон.

После смерти отца о моей поездке на учебу в Москву не могло быть и речи. Я должна была остаться в

1930-е годы. Паустовский с сыном Вадимом.

Ливнах. Семье, прежде всего маме, требовалась моя постоянная поддержка.

...На дворе стояла осень. Промозглым октябрьским днем мы с нескрываемой грустью расстались с Паустовскими – проводили Константина Георгиевича и его сына Вадима в столицу.

Разве мог тогда кто-нибудь подумать. Что пролетят годы, и 27 июня 1981 года на стене нашего старого дома на улице

Аникушкина, 17 (бывшая Водоразборная) укрепят мемориальную доску! А на ней слова:

«В этом доме в 1931 году жил и работал известный советский писатель Константин Георгиевич Паустовский».

***

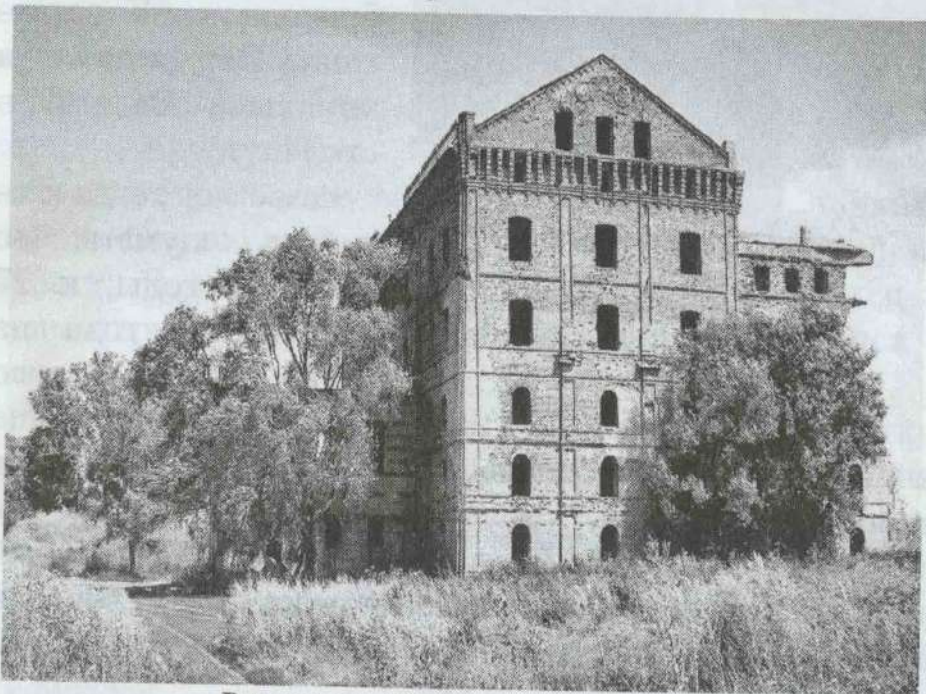
О жизни Паустовских в Ливнах Вадим Константинович писал в своих воспоминаниях «Ливны, Солотча, Таруса».

«Жизнь в Ливнах для меня была связана с приобщением к рыбной ловле (слово «рыбалка» отец не

любил). Обычно мы с ним выходили во второй половине дня и отправлялись не на реку, а на дальнюю Адамовскую мельницу. Эти прогулки отпечатались в памяти очень четко.

Сначала дорога шла вдоль хозяйского сада, такого же пустынного, как двор. Интересен был сад своим забором - низкий, сложенный из неровных известковых плит. Город лежал на толщах известняка, такие заборы в нем встречались повсеместно, и это роднило его с селениями Крыма и Северного Кавказа.

Развалины Адамовской мельницы.

За садом до самой мельницы тянулась равнина, покрытая кое-где кустарниками. С этой равниной у нас с отцом было связано много разговоров и догадок. Когда-то у восточной окраины Ливен сходились два пути, по которым Крымские татары совершали набеги

*Отставной полковник,
послуживший прототипом героя
рассказа «Старик в потертой
шинели». г. Ливны. 1931 г.*

на Московские земли. Они назывались Изюмским и Калмиусским шляхами. По расчетам отца получалось, что как раз на большом поле между нашим домом и Адамовой мельницей было стойбище, где татары отдыхали, поили лошадей и оттуда отправлялись далее уже одной дорогой на Тулу и Москву. Болтая с отцом о разных интересных вещах, мы приближались к Адамовской мельнице. Запущенное мрачное шестиэтажное здание одиноко поднималось над равниной и становилось заметным намного раньше, чем ветлы и кусты на берегах налитого вровень с краями пруда.

Кроме нас на мельнице так же регулярно появлялся только один рыболов – высокий старик в старомодной кепке и поношенной офицерской шинели, застегнутой на все пуговицы. Возвращались назад мы нередко все вместе. Старик и отец толковали о своем неторопливо и увлеченно. Старик чем-то очень привлекал отца. Со стариком в Ливнах беседы длились по два-три часа кряду. Позднее я безошибочно узнал пожилого

ливенского рыбака в рассказе, который так и назывался «Старик в потертой шинели». Правда, действие его перенесено в деревню Богово под Ефремовым и смещено на несколько лет назад».

Паустовский охотно бывал на ливенских ярмарках, которые устраивались недалеко от дома Бондаревых, на десятом поле в Заливенке. Вадим утверждал, что один из ненапечатанных отцовских рассказов того лета так и назывался «Яблоки да ярмарки».

«Найдя на дороге подкову или гвоздь, я возбуждался и создавал наивные истории, связанные с этими предметами, с татарами и русскими ратниками. Отец не разубеждал меня, по-моему, не только из-за снисходительности к детской фантазии. Во всяком случае, я замечал, что он то же зорко поглядывал по сторонам, а когда подбирал какую-нибудь интересную штуковину, то прежде чем выбросить ее, долго рассматривал, поднося к глазам, потому что был близорук. Иногда украдкой прятал в карман».

***

Нацкие часто бывали в доме Бондаревых, а Паустовские – у Нацких. Нина Дмитриевна помогала Паустовскому разобраться в бумагах брата. Часто возникали разговоры и споры, которые затягивались до поздна. Это лето вспоминал и автор «Кара-Бугаза» и Нацкие. Недаром, на книге «Кара-Бугаз» автор написал:

«Дорогой Нине Дмитриевне на память о лете в Заливенке в 1931 году».

К.Паустовский.

Москва. Октябрь 1932 г.

(Хранится в Ливенском краеведческом музее).

Нина Дмитриевна посылала и в Москву Паустовскому некоторые материалы Александра Дмитриевича и его письма, которые брат присылал ей до 1919 года из своих экспедиций. В марте 1932 года Паустовский присылает ей свою книгу «Ценный груз» (ОГИЗ, «Молодая гвардия» 1931 г.) с автографом: «Нине Дмитриевне – взамен писем (временно). 30.III.1932 г. (хранится в Ливенском краеведческом музее)

Из этого дома на Заливенке Константин Георгиевич писал жене:

Ливны 14 сентября (1931 г.)

«...С твоим отъездом в доме стало тихо и мертво. Хозяева об этом очень сокрушаются. Оживление вносит только Дим. Вчера весь день был холодный ураган, ливень с крупой. У нас повалило забор и сорвало часть крыши над хозяевами. Я ходил в город за хлебом и промок насквозь, только к вечеру обсушился.

Завтра напишу подробнее.

Вчера начал писать книгу о Кара-Бугазе».

«Вчера» – это 13 сентября 1931 года. По словам сына, Паустовский любил число 13. Оно приносило писателю удачу и он, бывало, приурочивал начало больших дел к этому числу.

***

Обитатели дома на Заливенке стали прототипами героев повестей и рассказов К.Г.Паустовского, живущими на страницах произведений уже своими судьбами, причудливо сочетая действительность с художественным вымыслом.

Так, читая «Повесть о лесах», мы находим много общего в судьбе одного из героев книги – Николая Никитовича с Иваном Александровичем Бондаревым.

Жил на Заливенке еще один ливенский мичуринец. Старожилы с восхищением вспоминают его клумбу – цветочные часы и сад на берегу реки Ливенки, наполненный диковинными растениями и необычными плодами.

А дочь хозяев дома – Алиса, которую Паустовский называл настоящим ее именем, данным ей при крещении – Анфиса оставила у писателя впечатления на несколько творческих образов.

Анфиса Бондарева родилась в 1913 году в Ливнах.

Закончила девять классов школы с кооперативным уклоном. В школе, а потом и дома ее стали называть Алисой. Считали, что так красивее. Когда пришло время получать паспорт, так и записали – Алиса.

Когда об этом узнал Паустовский, он недоумевал: «Что это еще за Алиса? Анфиса – чудесное русское имя. Так я тебя и буду называть».

Бондарева Алиса (Анфиса).

Особенно интересовала Паустовского общественная работа Анфисы. Она охотно ему рассказывала, что, как комсомолка, участвовала в ликвидации неграмотности.

Два месяца в селе Свиная Дубрава она вела кружок ликбеза. За это время научила читать и писать 17 пожилых крестьян. Активно участвовала в коллективизации, агитировала молодежь вступать в комсомол и в колхоз, участвовала в хлебозаготовках. Кулаки грозили ей расправой, но она не испытывала страха и ходила без оружия днем и ночью.

Вспоминая эти годы, ее ровесник сосед Владимир Антонович Смирнов отозвался о ней так: «Анфиса была - девка-огонь». Дома у Бондаревых было много книг и журналов. Когда-то одна их дальняя родственница отдала им свою большую домашнюю библиотеку. Да и отец выписывал журналы, покупал книги. Анфиса с детства любила читать, часто ходила в городскую библиотеку брала и читала много книг. Еще она очень любила рисовать и мечтала стать художником. Но жизнь распорядилась иначе. Эта красивая, обаятельная, интеллигентная женщина проработала финансистом в разных учреждениях. До глубокой старости сохранила жизнерадостный и доброжелательный характер, следы былой красоты.

Красивая юная девушка Анфиса Бондарева вдохновила писателя на создание нескольких ливенских литературных Анфис.

Одна из них – героиня «Повести о лесах» наиболее близка своему прототипу. Она стройна, тонка, голос необыкновенной красоты, читает много книг. Эта

Анфиса мечтает стать актрисой и добивается своей цели, несмотря на смерть отца.

В ее внешности есть что-то от другой Анфисы, героини главы «Ливенские грозы» из повести «Золотая Роза», «Анфиса была статная девушка 19-ти лет, с бледным лицом, строгими серыми глазами и низким голосом». Эта девушка очень любила больного юношу и поставила целью своей жизни вылечить его. Родители были против их отношений. Обстоятельства сложились трагически: В знак протеста Анфиса утопилась. «В гробу она лежала невыразимо прекрасная, со своими влажными тяжелыми косами червонного золота и виноватой улыбкой на бледных губах.

Какая-то старушка сказала мне:

– Ты на нее не гляди, милый, нельзя. Ведь это же красота такая, что сердце невзначай разорвется.

Но я не мог не смотреть на Анфису. Впервые в жизни я сам оказался свидетелем той безмерной женской любви, которая сильнее смерти.

Почему-то мне тогда подумалось, что такой любви больше всего отпущено на долю русских женщин».

У Паустовского есть еще одна, третья литературная ливенская Анфиса, которую обнаружили сравнительно недавно. Летом 1996 года в Московском литературном музее-центре Паустовского готовились к традиционному ежегодному празднику К.Г. Паустовского, в этот раз – в Ливнах.

Просматривая и перелистывая в очередной раз многостраничную библиографию писателя, главный библиограф музея М.К. Сазонова обратила свое

внимание на, ставшим уже близким, сочетании слов «Лето в Ливнах». Так была обнаружена незавершенная повесть Константина Георгиевича, которая была напечатана в «Литературной газете» 31 декабря 1939 года, и не перепечатывалась в последующие годы ни разу. Приведу полностью I главу этой повести.

***

Константин Паустовский

«Лето в Ливнах»

(Отрывки из повести)

Это было несколько лет назад в городке Ливны. Я рылся на чердаке у своего хозяина в куче растрепанных журналов и нашел книгу без переплета. Титульный лист был вырван. Книга начиналась с тринадцатой страницы.

Я унес книгу в старый сад над рекой и читал ее до темноты.

В тот год лето стояло тяжелое, жаркое. Дули сухие ветры. Серый от пыли чертополох шуршал в палисадниках, и не было даже знаменитых ливенских гроз. Жители Ливен объясняли силу и частоту этих гроз тем, что под ливенскими желтыми известняками лежали пласты железа. Железо притягивало грозы.

Но в это лето сила залежей иссякла, - грозы громыхали за дальними косогорами. С полудня ветер дул по овсам. Овсы тревожно шумели. Слюдяной блеск бежал вместе с ветром во всю ширину полей. Пыль завивалась столбами по пустым дорогам, и в глухой синеве, подымавшейся с юга, мутно загорались зарницы. Казалось, что кто-то передергивает их

зловещий огонь. Но к вечеру грозовая туча уходила, ворча, за край земли, и в небе начинали боязливо поблескивать звезды.

В городском саду играл пожарный оркестр. Ревели потные тромбоны. Девушки снимали туфли и вытряхивали из них шелуху от семечек. Учитель Нестеров в черной широкополой шляпе декламировал тенором с дощатой эстрады: «Как хороши, как свежи были розы в моем саду. Как взор пленяли мой».

Ливны. 1996 г. А. Бондарева-Поляничко в комнате, где работал К. Паустовский.

Я читал книгу до самой темноты. Бравурный марш срывался с откосов городского сада и сваливался с размаха в сонную реку, где плавали огни Ямской слободы и осторожно квакали лягушки. Каждый раз,

когда ударял турецкий барабан, из воды выбрасывалась тяжелая рыба.

Две девушки сидели на берегу, на разошедшей лодке, и одна говорила другой: «В книгах про любовь пишут, а мне не понятно. Никак я не дочитаюсь, что сделать, чтобы Петя меня не покинул». – «А ты закрути для вида с другим», – сказала подруга. – «Дура ты, Манька», – ответила девушка и замолчала, задумалась.

Я узнал ее по голосу. Это была Анфиса, дочь моего хозяина – хлопотливого старичка, сидельца в ларьке, где продавали ситро и рассыпные папиросы».

Настоящая Анфиса – Алиса Ивановна Бондарева – Поляничко прожила долгую жизнь в своем родном доме. А в 1996 году дождалась гостей. В Ливны приехал сын К.Г.Паустовского Вадим Константинович и навестил Алису Ивановну. Встреча через 65 лет была очень трогательной и сердечной.

***

В Заливенке, недалеко от дома Бондаревых, у кладбища жил Изот Леонтьевич Хворощин. Он служил на железной дороге механиком, и был страстным охотником. Кроме того Хворощин искусно изготавливал чучела птиц и зверей. Нина Дмитриевна Нацкая познакомила Паустовского с этим удивительным мастером своего дела. Дочь Хворощина Клавдия Изотовна рассказала Беляеву Ю.Н. о незабываемых днях лета 1931 года, об общении писателя с её отцом:

«Это было в 1931 году. Наша семья жила тогда на окраине города – в Заливенке. В доме Бондаревых, поселились на летний сезон дачники из Москвы:

писатель Константин Георгиевич Паустовский, его жена Екатерина Степановна и их шестилетний сын Вадим. Давний друг нашей семьи врач железнодорожной больницы Нина Дмитриевна Нацкая познакомила Паустовского с моим отцом – Изотом Леонтьевичем Хвороциным. Между ними быстро установились дружеские отношения.

Папа долгие годы работал на железной дороге, но при этом он страстно любил природу средне-русской полосы, был человеком наблюдательным, любознательным, с острым глазом натуралиста. Он несколько раз объехал и обошёл родную Орловщину, заглянул во все ее самые глухие лесостепные уголки. Отец увлекался охотой, хорошо знал повадки животных и птиц, по каким-то особым приметам легко находил звериные тропы и места гнездовья пернатых.

Из охотничьих трофеев отец с большой любовью, тонким художественным вкусом изготавливал чучела различных зверей и птиц, стремясь точно воспроизводить их натуральный облик. В нашем доме хранились десятки искусно сделанных выпотрошенных чучел всевозможных обитателей полей Подстепья, лесов и озер. Он собрал также богатую коллекцию птичьих яиц, которая размещалась в специальных застекленных ящичках.

Жила в нем и еще одна неизбывная страсть – декоративное птицеводство. Он разводил одомашненных павлинов и цесарок, черных и золотистых индеек, кур различных пород, гусей, уток... Можно представить себе, какой разноголосый птичий гомон постоянно царил в нашем просторном дворе, какими

невообразимыми переливами цветов сверкали перья у особ из семейства фазановых, у петухов, индеек! Папа часто демонстрировал выводков из своего пернатого царства на различных выставках в Ливнах и Орле, неизменно получал большие и малые памятные медали.

Трудолюбивый, целеустремленный, отец не терял времени даром, органически не терпел безделья. Приходя с работы, сразу же принимался за бессчетные хозяйственные дела и успевал сделать многое. Безупречно владел почти всеми крестьянскими ремеслами.

Помнятся те дни, когда отец возвращался с охоты. Хотя ему порой случалось отмахать десятки верст, просидеть многие часы в засаде на тайных тропах и в зарослях, он чувствовал себя бодрым, набравшимся сил. В период, когда охотничий сезон еще не наступал, отец все равно, бывало, подолгу бродил в лесах и на озерах – наблюдал за повадками животных и птиц. Словом, это был один из одержимых и испытанных знатоков природы. Перешагнув домашний порог, папа не стремился поскорее прилечь отдохнуть, а брался за любимое занятие – мастерить чучела.

Обычно в такое время любил заглядывать к нам «на огонек» Паустовский. У него с отцом завязывался продолжительный разговор. Разглядывая чучела, Константин Георгиевич дотошно расспрашивал заядлого охотника-натуралиста о жизни зверей и птиц, скрытой от людского глаза, манерах поведения хищников, о характерных особенностях лесных заповедников и местных земель, об озерах, болотах и

оврагах, различных естественных приметах, которыми был отмечен здешний ландшафт...

Мне доводилось присутствовать при этих беседах. Насколько я помню, на них никогда не заходила речь о литературе. Паустовский ничем не выдавал в себе писателя. Со стороны скорее можно было подумать, что с папой разговаривает ученый-естествоиспытатель. Мужчины живо обсуждали извечные проблемы охотничьего хозяйства и лесоводства. К примеру, что следует предпринять, чтобы в нашем крае не уменьшалось количество зверей и птиц.

Иногда Константина Георгиевича интересовали самые неожиданные детали. Каким образом, скажем, наседке-куропатке удастся благополучно увести от хитрой лисицы своих еще не «ставших на крыло» птенцов? Какой «рацион» у болотной цапли? Почему иной раз прилетают зимовать в орловские лесостепи некоторые хищные птицы семейства ястребиных с Кавказа?

Отец был совершенно покорен уровнем интересов собеседника, его искренней любовью к природе. Повидимому, отцу не доводилось ранее встречать более внимательного партнера – единомышленника, умеющего воспринимать жизнь животных, птиц, растений такой, какая она есть. Мне казалось, что в беседах обоих мужчин охватывало ощущение общей радости, особенно, когда речь шла об экологически чистых методах хозяйствования. Я в ту пору, бывало, слушала их диалог, а перед глазами почему-то вставали образы персонажей из только что прочитанных «Записок охотника» Тургенева.

Пернатое «хозяйство» отца стало для Константина Паустовского истинным открытием. Писатель любил бродить по нашему «птичьему» двору, с симпатией и интересом рассматривать экзотических павлинов, редкостных индеек, красавцев-петухов... Он подробно интересовался теми удивительными особями, которые побывали на выставках, их наградами. Думаю, в те минуты Константин Георгиевич испытывал невыразимо-волнующее чувство, будто душой он прикасался к живой красоте природы, к нашим орловским раздольям.

Иногда Паустовский просил Изота Леонтьевича взять его в степь, в ближайший заказник. Стояло лето. Естественно, ружейной охотой они заниматься не могли, а поэтому несколько раз ходили вместе ловить сетями куропаток и перепелов. Мне трудно теперь передать восторженное впечатление, которым делился писатель после одной такой интересной поэтической охоты. Скажу лишь, что Константин Георгиевич переживал тогда пронзительное, неповторимое чувство радости.

Наверное, оно было свойственно характеру Паустовского. Писатель, как и мой отец, был бесконечно предан природе, тонко понимал её «натуру» - многоцветие красок, живые приметы, неизбывные прелести, хотя внешне часто оставался сдержанным, немногословным. Пожалуй, только глаза Константина Георгиевича – живые, внимательные – выдавали в нем участливый нрав, праздничное мироощущение. Позднее, перечитывая рассказы и повести Паустовского, я легко находила в них знакомые

истории, которые рассказывал писателю мой отец. Например, описание странной повадки серой цапли, эпизод с жестоким браконьером... Явственно слышала, как в произведениях оживали голоса птиц: звенели жаворонки, куковала кукушка, кричали перепела...

Мне посчастливилось познакомиться и с женой писателя – Екатериной Степановной Загорской-Паустовской. Выглядела она очень привлекательно: статная фигура, красивое улыбчивое лицо, мягкие манеры. Весь ее облик как бы излучал доброту, женственность. Гостеприимная, общительная Екатерина Степановна была человеком незаурядного ума и разносторонних дарований. Она занималась литературным творчеством, прекрасно рисовала. Я, например, чаще всего видела ее за мольбертом, а также с альбомом и карандашами. Екатерина Степановна объяснила мне, что готовит эскизы различных декораций для одного из московских театров.

Загорской-Паустовской хотелось написать картину-панораму типичного провинциального городка. Надо признать, что наш райцентр предоставляет художнику интересные натурные виды.

Центр городка размещался на высоком холме над полноводной рекой. Церкви горделиво вздымались ввысь золоченые луковицы-купала, дырявили небо оглушительные колокольни-штыри. Они придавали этой части Ливен весьма живописный вид. Екатерина Степановна любила побродить здесь с этюдником. И на небольших листах ватмана появились своеобразные «записи» ее впечатлений. Поражали мягкость и какое-то удивительно чистое сияние светлой палитры этюдов,

четкость и неповторимость деталей. Становилось ясно: все увиденное глубоко прочувствованно художницей в душе.

Мы побывали с женой писателя в простой русской избе в пригородной слободе, овейной патриархальным уютом, где она делала зарисовки убранства крестьянского жилища, различной утвари, предметов быта. Помнится, Екатерина Степановна с интересом срисовывала в альбом вышивки, которыми украшались полотенца, платья женщин, всевозможные узоры национального орнамента.

Я волей-неволей стала обращать внимание на то, как супруги относились друг к другу. В их отношениях гармонично и счастливо соединились вежливость и предупредительность, взаимное уважение и спокойное участие в личных делах каждого. Чувствовалось, что вся ткань их дружной совместной жизни пронизана глубокой и надежной любовью. Ответственность друг за друга особенно в трудные минуты – вот, пожалуй, то главное, что составляло сущность этой любви. Она, правда, была скрыта от посторонних глаз, но легко угадывалась по выразительным взглядам, теплым словам, добрым жестам.

Мне Екатерина Степановна казалась самой симпатичной женщиной на свете. Я мечтала быть похожей на нее. Частым гостем в нашем доме был и сын Паустовских Вадим.

Он подружился с моим младшим братом Мишей. Ребята оказались ровесниками. И очень озорными. Чего только они не устраивали! То начнут с шумом гоняться друг за другом по комнатам, сотрясая дом, то примутся

рубить кустарник во дворе, воображая себя казаками – разбойниками, то раздражат какого-нибудь важного индюка и сведут его с петухом-забиякой. И так изо дня в день.

...Встречалась я с Паустовскими и позже. В 1932 году я некоторое время гостила у них в Москве. Тогда Константин Георгиевич попросил меня отвезти в Ливны Нине Дмитриевне Нацкой книгу «Кара-Бугаз», которая только что вышла из печати. На книге писатель сделал надпись:

«Дорогой Нине Дмитриевне на добрую память о лете в Заливенке в 1931 году».

Обаяние Паустовского, его неподдельный интерес к собеседникам, мастерам своего дела, оставляли воспоминание у них даже о мимолетных встречах с писателем.

Так Николай Павлович Горностаев из деревни Горностаевка – фронтовой связист, кузнец, пилорамщик, вспоминая о своей встрече с Паустовским рассказывал:

Как-то охотились Хворощин с Паустовским на уток на Сосне около деревни. У Паустовского упало ружье, засорилось, и при выстреле немного повредился кончик ствола. Константин Георгиевич очень расстроился, ведь ружье было чужое. Хворощин успокоил его и привел к известному на всю округу кузнецу Павлу Васильевичу Горностаеву, отцу Николая Павловича.

Мастер своего дела взялся исправить ружье. Пока охотники разговаривали с хозяйкой и пили чай, Павел Васильевич исправил поломку, и предложил гостям ночлег в своем доме. Охотники долго разговаривали с

хозяевами дома, переночевали, а на заре отправились в поле. К обеду они возвратились к Горностаевым с тремя зайцами.

Павел Васильевич распорядился, чтобы сын Николай запряг лошадку в телегу, настелил соломы, чтоб не очень трясло, и отправил гостей в Ливны. Николай Павлович прожил долгую жизнь, наполненную богатыми событиями. Но встречу с писателем помнил всю жизнь.

За несколько месяцев Паустовский сроднился с Заливенкой и улицей, на которой он жил.

Как-то, разбирая письма отца к Е.С.Загорской, Вадим нашел его письмо из Ливен:

«...Вчера шел с Димом по нашей улице, Дим заставил меня читать фамилии домовладельцев, и неожиданно обнаружилась очень забавная вещь, - все фамилии до одной очень литературные – Кольцов, Андреев, Федотов (художник), Бунин, Леонов и даже Бабичев (герой «Зависти» Олеси)».

Ливны – глазами писателя

Паустовский очень внимательный и любознательный человек. Как истинный художник он пристально вглядывается не только в обыденную жизнь города и его обитателей. Его интересует окружающий мир, природные явления, легенды, поверья, пословицы и т.д.

А потом мы все это видим в художественных произведениях как художественное свидетельство определенного времени.

Вот первое впечатление писателя о городе:

«В Ливнах я никогда не был. Городок понравился мне чистотой, множеством цветущих подсолнухов, своими мостовыми из цельных каменных плит и рекой Быстрая Сосна, вырывшей ущелье в толще желтого девонского известняка»

Он видит: «На подоконниках обывательских домишек зеленой сочной щеткой прорастал в плосках овес».

Чувствуется приближение Пасхи. Он замечает все, даже старух, которые «плелись на кладбище с поминальными веночками из крашенных стружек.

Цветы и венки из стружек делали очень искусно ливенские мастерицы». Другое описание города мы видим глазами Коли Евсеева персонажа «Повести о лесах». «Первое, что он увидел, – это стадо коров. Позади пастуха поднимались крутые бугры, а на них врассыпную стояли дома. Почти все дома были одинаковыми: первый этаж кирпичный, а второй деревянный. За кружевными занавесками цвели в вазонах комнатные цветы. Протертые стекла блестели от солнца.

Недаром про этот городок ходила поговорка «Ливны своими хоромами дивны». Городские хозяйки изо всех сил поддерживали чистоту в домах. Они гордились этим перед жительницами пригородной Стрелецкой слободы. Слободские всегда жили «по-цыгански». Городок показался Коле очень маленьким, чуть выцветшим, но воздух был чистым, ярким и далеко были видны из окон вагона золотые подсолнухи в огородах».

Паустовский побывал в городском краеведческом музее и, конечно же, видел белоснежный рояль Аренского. Композитор неоднократно бывал в Ливнах, на родине своей жены, давал здесь концерты. Дворянское собрание города преподнесло ему в знак уважения и благодарности прекрасный инструмент. В 1930-е годы рояль экспонировался в местном музее.

И вот уже в «Повести о лесах» мы читаем, о ливенском мичуринце Николае Никитовиче, который был знаком с композитором Аренским. Паустовский побывал в городской библиотеке, где потом берут книги, много читают, также как Анфиса Бондарева, его литературные персонажи - Анфисы. Аптека, овражная станция, рынок, засыпанный сенной трухой и навозом – ничто не укрылось от зоркого взгляда писателя. Кинотеатр и парк упоминаются неоднократно в его воспоминаниях. Даже в телеграмме, присланной в Ливны в 1962 году он пишет: «Часто вспоминаю Ливны... реку Быструю Сосну, вездесущих ливенских мальчишек и жаркий городской сад, где я писал в ветхой беседке свою первую большую книгу...»

Важнейшей достопримечательностью города является река. Паустовский, тонкий ценитель и признанный живописец природы, очень неравнодушен к воде в любом ее проявлении, она для него – основа жизнетворных сил природы, главное условие существования жизни и человека на земле. Вода, море, дождь, озеро, болото – по мнению Паустовского, накладывают отпечаток на людей, живущих возле нее. Он всегда с пристрастием выясняет отношение этих людей к воде. И нет ничего особенного в том, что

Ливенская река видится как органическая часть города. Именно рекой вызвана первая симпатия писателя к Ливнам. «Городок понравился мне... рекой Быстрая Сосна». Он подмечает, что и город-то обращен к реке своей самой привлекательной стороной.

Быстрая Сосна – многократно и настойчиво повторяется у Паустовского. Именно таково точное географическое название Ливенской реки. Паустовскому свойственно пристрастие к научной точности, в любых, даже очень лирических описаниях. Под его пером часть географического названия – Быстрая превращается в эпитет, светлая, полноводная...

Пометим, что сами ливенцы никогда не говорят – быстрая; а просто – Сосна.

Далее следуют спокойные детали: русло из желтого известняка, весеннее половодье, затапливаемые разливом лозняка, заливные луга, куст боярышника на крутом берегу, сады над рекой.

Своя жизнь у реки. Нетронутым лежит на полях снег, а по берегам уже стоял. Ни слова о родниках, но мы понимаем, почему река так прозрачна. Коричневая льдина плывет по полой реке». Коричневая – это не поэтическая вольность. Именно такую льдину увидел писатель. У Паустовского нет случайных слов, тем более, эпитетов. Слово «коричневая» на первый взгляд кажется только удачным, но на самом деле означает определенное естественное понятие. Смотрят ливенцы на ледоход и по цвету льдин определяют: голубые – это с реки Тим, которая проложила себе русло в голубой глине, у нас ее называют – куликою; коричневые – с

реки Труды, а она течет через болотца с коричневым илом.

Паустовский видел Быструю Сосну действительно быстрой и полноводной. Уровень воды поддерживали плотины. Только на территории Ливенского района на Сосне в те годы были мельничные плотины Вязовицкая, Блиновская, Речицкая, Теличенская, Адамовская, Жеринская, Викторовская, Калининская.

Река в книгах Паустовского освоена людьми. Вот ажурный железнодорожный мост, вот дощатый паром, Адамовская мельница... Река органическая и существенная часть жизни Ливенцев»... «Очень легко себя чувствую и получаю разнообразие мыслей, когда ловлю рыбу в нашей реке – признается Николай Никитич, - один из героев Повести о лесах»). Как будто занятие мальчишеское, а на поверку выходит, что оно и нервы успокаивает и дает пищу для размышлений по любым вопросам, свойственным нашему уму».

Это – слова не столько литературного персонажа, сколько самого Паустовского. Во второй приезд в Ливны он почти каждый день ходил на реку.

Исчезли плотины. Уровень реки упал. Понизился уровень грунтовых вод. Средний уровень реки у города с 6 метров в 1931 году упал до 1,5 метра в 2011 г.

Когда-то Паустовский приходил на берег, отвязывал лодку от намертво вкопанного в хрящеватый грунт рельс. А рельс сохранился по сей день. Но находится он в двадцати метрах от воды.

Едва ли бы Паустовский назвал сегодняшнюю Сосну быстрой или полноводной.

***

Необычное, уникальное, впечатляющее привлечет почти любого писателя. И. Паустовский не устоял перед двумя природными особенностями Ливен:

его поразили самые значительные в Европе выходы известняка, выделяющиеся в пейзаже, как наиболее колоритная деталь, и удручающая картина водной эрозии почвы, устрашающей величины овраги, так резко контрастирующие с плавными линиями холмов.

«...Местность вокруг городка была известна на весь Союз обилием оврагов. С каждым годом они отхватывали куски полей, разрушали дороги». В Ливнах работала овражная станция. Усилиями ее работников были спасены сотни гектаров плодородной земли. Паустовский описывает жестокую картину уничтожения плодородной почвы оврагами в наших полях. Герой «Повести о лесах» ливенец Коля потрясен видом оврагов и горд от сознания того, что склоны этих оврагов скоро будут превращены в террасы, засажены лесом, вишневыми и яблоневыми садами и что в этом будет часть его труда.

***

Река Сосна разрезала своими водами мощные пласты девонского известняка, которые эффектными пластами выходят по левому берегу реки. Об этих залежах Александр Дмитриевич Нацкий знал с раннего возраста, а в университете написал дипломную работу «Девонский известняк», и издал ее в Киеве в 1912 году. Но Паустовский дает другую – фантастическую картину этого природного явления.

Губительное дыхание девонского известняка было той легкой и безопасной манией, которой страдал геолог Нацкий. Он стремился предостеречь человечество от губительной материальной и психической энергии, которая спрессована в пластах тех эпох, когда эти пласты слагались.

Он уверял, будто бы известняк хранит тепло далеких многомиллионных эпох. Это тепло сочится из земляных недр и отравляет жителей города.

Поэтому, по словам геолога, в городе до сих пор еще много диких поверий.

Паустовский подробно рассказывает о ливенских поверьях.

Далее Нацкий добавлял, что просачивание психической заразы из пластов девона в Ливнах приводит к тому, что нравы этого города гораздо грубее...

Три города стоят на толщах девонского известняка: Кромы, Ливны и Елец. Недаром о них существовала старая поговорка: «Кромы – всем ворах хоромы, Ливны – ворами дивны, а Елец – всем ворах отец».

Грозы – явление более заурядное. Но лето 1931 года было, по воспоминаниям старожилов, богато грозами. И это явление природы не могло не завладеть воображением писателя. В «Золотой розе», в главе «Ливенские грозы», в «Повести о лесах» он рисует движущуюся и впечатляющую картину грозы, используя многомерную палитру своих живописных возможностей.

Благодатный июльский зной приобретает тоскливый, зловещий оттенок. Небо становится аспидным и

паровозный дым становится на этом фоне необыкновенно белым. Желтое, как грязная вата, облако, идет поверх грозовой тучи. Меркнувшие кровавые отблески озаряют всклокоченную местность. Паустовскому представляется, что в разъяренном небе разворачивается космическая катастрофа: ураганный ветер приобретает чудовищную силу, гонит остатки света, закручивает волчком косматое, дымящееся солнце и отрывает от него клочья мрачного пламени. Свинцовой стеной движется ливень. Паустовскому недостаточно эпитетов, красками развернутых сравнений картина придается еще больший динамизм: как белые лошади, скачут седые потоки хлещущего ливня. Последствия грозы ужасны: из мостовой вывернуты огромные булыжники, улицы засыпаны сломанными ветками, мутный поток несет утонувшего галчонка.

Встревоженные горожане выходят посмотреть, что же гроза натворила?

Ливенские грозы завладели воображением писателя настолько, что стали неотъемлемой частью «Повести о лесах», рассказов «Ливенские грозы» и «Ливенское лето». Грозы повлияли на судьбы его ливенских героинь, принесли им несчастье. В «Повести о лесах» Анфиса потеряла любимого отца, а вторая Анфиса бросилась в реку и утонула во время грозы.

***

Вернувшись из Ливен, 26 октября 1931 года Константин Георгиевич пишет письмо матери в Киев.

«Дорогая мама. Завтра, 27 октября я уезжаю на 2 месяца в Соликамск и Березняки (Северный Урал)...

Теперь о себе, я с весны с большим трудом освободился от службы в РОСТА и теперь стал «чистым писателем», т.е. нигде не служу...

Этой весной я ездил на восточное побережье Каспийского моря (в Кара-Бугаз, Эмбу и Калмыкию), потом три месяца мы жили в Ливнах (быв. Орловской губ). Там я писал книгу о своей поездке».

Твой Котик.

В Ливнах Паустовский оказался в очень нелегкой для себя переломный период жизни и творчества. Ливенский период был временем переосмысления своего отношения к писательскому творчеству.

28 ноября 1931 года из Березняков Паустовский пишет Загорской письмо, где дает себе оценку:

...как писатель я рос очень медленно и только теперь сбросив с себя шелуху всяческих РОСТИ галиматши, я чувствую как я созрел. Перелом дался мне нелегко — после весенней поездки (в Кара-Бугаз) чувствовал себя, как писатель, мертвецом...

...Теперь пришло время говорить «во весь голос».

Приятно сознавать, что среди многих факторов и Ливны повлияли на творческое «воскрешение» писателя.

До последних лет жизни Паустовский помнил о Ливнах и сохранил о городе самые трогательные воспоминания. В апреле 1961 года улетел в космос Юрий Гагарин. Паустовский в том же месяце пишет рассказ «Старая рукопись». Находясь в космосе герой этого рассказа думает о том, что «где-нибудь у него Ливнах окуривают сады от весенних заморозков».

Незабываемые встречи

В Ливны К.Г. Паустовский так и не смог приехать в третий раз. А вот с ливенцами он встречался и в России и за рубежом.

Писатель Алексей Ионов в журнале «Огонек» написал свои воспоминания о встречах с Паустовским.

Для нас представляет интерес отрывок из этих воспоминаний:

Фото от Паустовского Ионову на память. (Фонды ЛКМ).

(На фото надпись «Алексей Васильевичу Ионову – молодому подмастерью от старого подмастерья – по дружески. К.

Паустовский, 28.10.58 г.).

– «Вы, кажется жили в Ливнах? – спросил он (Паустовский)... Мне иногда случалось встречаться в вашими земляками за границей. Прошлым летом был я в Париже. На одном литературном вечере окружили

меня русские эмигранты. Купили мои книги и просят надписать. Спрашиваю одного, откуда он родом. Оказалось, из Ливен. Очень занятный человек. Шил сапоги и расхожие и для сцены – самому Шаляпину. Потрафить вкусам Федора Ивановича – это, знаете ли не шутка, но он других сапожников не признавал, а этот всегда умел ему угодить. Заговорил со мной – страшно разволновался, слова вымолвить не может. Вот она, ностальгия-то... настоящая болезнь».

В Ливнах эта история имела небезынтересное продолжение.

Однажды к председателю ливенского горисполкома пришел седовласый, высокого роста человек. Одет он был довольно необычно: великолепный костюм, галстук-бабочка в голубой горошек. В руках – тяжелая трость с витиеватым серебряным набалдашником.

– Я обязан показать вам, уважаемый господин мэр, свои документы, – сказал он и протянул пачку бумаг.

Из них следовало, что Президиум Верховного Совета СССР разрешил эмигранту Михаилу Алексеевичу Садовскому возвратиться на Родину и проживать по месту рождения – в городе Ливны. Ливенскому горсовету поручалось выправить Садовскому советский паспорт.

Председателю необычный посетитель показался любопытным. Он предложил Садовскому побеседовать. Тот с нескрываемым удовольствием согласился.

*Михаил Садовский вручает Паустовскому К.Г. свой диплом
«Сапожных дел мастер». Париж, 1957 г.*

(Фото из личного архива Лидии Дилекторской (Париж)).

Садовский с семи лет занимался сапожным ремеслом. Когда вошел в возраст, стал шить особо щегольские сапоги из самого качественного товара.

— Самую большую, роковую ошибку, — вздохнул Садовский, — я совершил в мае 1925 года: бросил сына, жену и уехал за границу. Вчера и жена, и сын отказались со мной повидаться и не пустили меня в мною же построенный дом. Обитаю в гостинице. О

победе над германцами я узнал в Париже. Не могу себе простить и проклинаю себя — поверил пропаганде, что эмигрантов в Союзе или расстреливают, или ссылают в Сибирь, на каторгу. Решил опрометчиво: на Родину возвращаться пока нельзя. И это была моя вторая роковая ошибка. В Париже сколотил деньжонок, захотелось разбогатеть, чтобы быть независимым, открыл собственную мастерскую и... не рассчитал сил — обанкротился. Там, знаете ли, такие акулы! И бросило меня мотаться по чужим странам. Кормиться кормился — я все же мастер не последней руки. Но со временем меня все больше и больше стала грызть тоска по утраченной Родине, нигде места себе не находил...

— Повсюду я искал на чужбине русских людей, — продолжал Садовский — Не жалея последних грошей, покупал русские книги, журналы, газеты. Однажды повезло: попалась книжка писателя Паустовского. Раскрываю, а там про Ливны. Обмерло сердце.

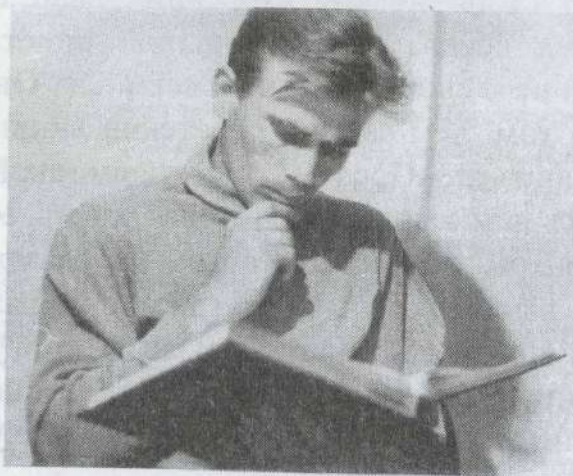
И тут же повезло вторично: Паустовский давал в Париже литературный вечер. Достал входной билет. Паустовский говорил не о своих книгах, совсем нет. Он говорил о Родине, о том, чем заняты советские люди, чего они хотят добиться. После этих слов такой ничтожной показалась нам наша эмигрантская жизнь. У большинства эмигрантов, особенно старых, на глазах блестели слезы. И ваш покорный слуга много раз прибежал к помощи носового платка. Взял я книгу Паустовского «Золотая роза», открыл главу «Ливенские грозы» и попросил писателя сделать надпись. Он сразу догадался, что я из Ливен, и предложил:

— Не поговорить ли нам? Обрадовал он меня несказанно своим предложением. Еще бы! Советский писатель пожелал говорить с бедным безвестным эмигрантом. О чем мы только не говорили! Но больше всего, конечно, о Ливнах. Отыскались и ливенские общие знакомы. Знал я врача Нину Дмитриевну Нацкую, которую Паустовский вывел в «Повести о лесах» под фамилией Евсева. Вспомнили квартирному хозяина семьи Паустовских летом 1931 года Ивана Николаевича Бондарева. В той же повести он изображен садовником Николаем Никитичем. Мне хотелось бесконечно расспрашивать о родных Ливнах, но невольно получалось так, что больше говорил я, а Паустовский слушал...

Решение о возвращении на Родину Садовский принял после встречи с К.Г. Паустовским.

***

Ю.Н. Беляев. Воронеж, 1956 г.

Ливенский краевед Ю.Н. Беляев, будучи еще студентом Воронежского университета познакомился в одном из альпинистских лагерей на Кавказе с Вадимом Константиновичем Паустовским, сыном писателя.

Разговорились о Ливнах, Вадим Константинович вспомнил свои впечатления о городе. Юрию очень хотелось встретиться с самим писателем, записать его воспоминания. Вадим подсказал, что отец почти все время живет в г. Таруса. В молодости решения принимаются без особых рассуждений. Юрий отправился в Тарусу. Позже он написал об этой встрече.

Юрий Беляев
Ночной гость

На Калужском большаке я остановил довольно потрепанную «победу».

— Шеф, подвези до Тарусы, я заплачу!

— Садись, а я как раз и еду в Тарусу.

Только мы отъехали от Калуги, как начался мелкий частый дождь, легкой сеточкой повис в воздухе. Нырять из одного ухаба в другой, мы заговорили о «прелестях» русских дорог.

А дождик меж тем лил все сильнее и сильнее. Наступила ночь. Наша машина встала. Поминая в сердцах чертей и какую-то мать, водитель Аким Акимыч натянул старенький плащ, взял электрический фонарик и полез под капот. Через полчаса, промокший, он влез в машину.

— Генератор полетел. Здесь его не исправишь. Придется нам ночевать, а утром кто-нибудь отбуксует меня к автомастерской. А пока закусим.

Он достал вареную курицу, малосольные огурчики. Поели. Он закурил «Северок», а я свой «Памир». Потом он приволок из багажника два драных одеяла.

— Ложись, сынок, кемарь...

Но мне не спалось:

– А далеко до Тарусы?

– Совсем пустяк – два-три километра.

– Я, пожалуй, пойду...

– Спрячь свою трёшку, завтра выпьешь за раба Божьего Акима. Да глянь, какой ливень...

Ты что, очень торопишься?

– Да нет. Просто спать не могу...

– Ну, раз ты такой моторный, ступай с Богом.

Он перекрестил меня.

Через пять минут я уже был мокрым до костей. Впереди все было черно. Но вот наконец я стал различать впереди домишки. Не горело ни одного фонаря, не светилось ни одного оконца. Я шел по городку, погруженному в какой-то непробудный сон. Я брел по ужасной грязище под проливным дождем. Сигареты и спички я предусмотрительно завернул в пластиковый пакет. Я закурил свой «Памир» и вдруг увидел, что в одном из домов, на веранде, чуть теплится огонек. Я решил зайти, но калитка была заперта. Я крикнул:

– Эй, отзовитесь!

К Калитке подбежала собака, черная, небольшая, и приветливо помахала хвостом. Потом она исчезла. Минуты через две она возвратилась в сопровождении человека в наброшенном стареньком плаще.

– Простите, ради Бога, за беспокойство.

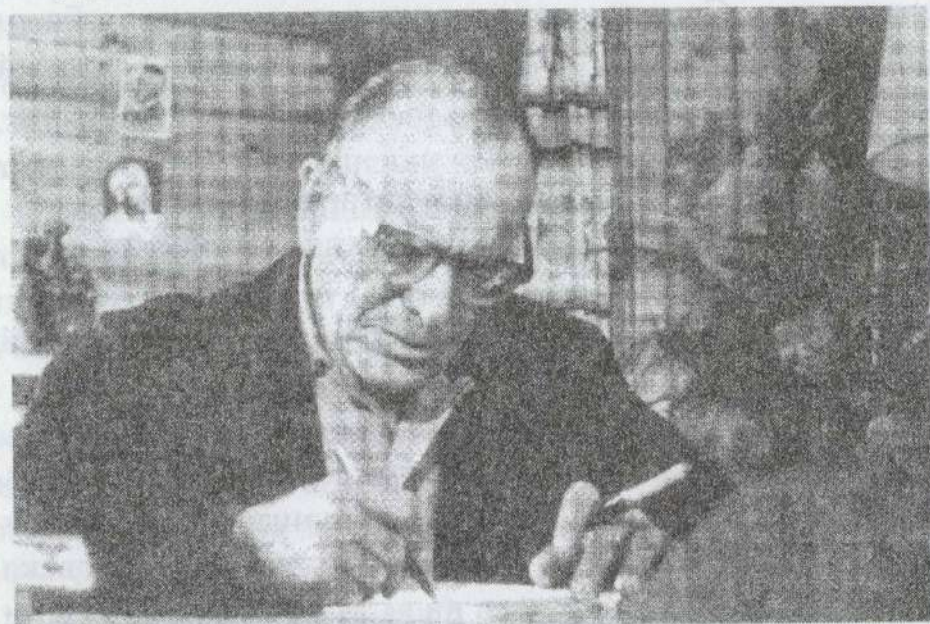
Вся Таруса спит, не светится ни одно окошко, кроме вашего. Вот и пришлось, к сожалению, вас беспокоить.

– А что у вас за дело в Тарусе?

– Да мне нужно повидать одного человека, писателя Паустовского, слышали про такого? Покажите, где его дом.

– Дом Паустовского здесь, – он показал на освещенную веранду. – А Паустовский – это я. Должен извиниться, но в три часа ночи я гостей не принимаю, особенно незнакомых. А что за дело у вас ко мне?

– Да я из Ливен...

К.Г. Паустовский. Таруса, 1956 г.

– Как из Ливен? Из самих Ливен? Дорогой мой, но это меняет все дело. Пошли скорей в дом. Вы насквозь промокли. Вот вам два полотенца. Вот мой халат. Не смущайтесь, он после стирки еще ненадеванный. А я пока поставлю чайник, выпьем чаю с малиной, против простуды... Ведь надо же, гость из Ливен! Меня, понимаете ли, осаждают тут разные люди. Прочтут мою книжку и едут в Тарусу поглядеть на живого

писателя. Как будто я Лев Толстой какой-то. Но вы – другое дело. А вы знаете, если бы я увидел вас где-нибудь днем, то сразу признал бы в вас ливенчанина. Вы все какие-то особенные.

Переоделись? Идемте на веранду, электрочайник уже вскипел.

На веранде, на кухонном столе, лежала пачка бумаги и авторучка. Ни единого слова пока еще не было написано. Стояло кресло-качалка, окна были заплетены лианой, издававшей резкий пряный ненашенский запах.

- Насквозь промокли?
- До костей. Одно паршиво – сигареты подмокли.
- Сигарет у меня нет. А «Казбек» вас устроит?
- Давайте.

Потом мы пили чай с малиной. Паустовский жаловался:

– Знаете, меня просто осаждают графоманы. Молодой человек испишет тетрадку о какой-нибудь чепухе и спрашивает: скажите, получится ли из меня писатель? Препротивное занятие – и обидеть человека не хочется, и правду сказать надо. Вы не из таких? Или привезли чего-нибудь?

– Привез. Приветы от Анфисы Ивановны, у которой вы квартировали в 1931 году, от Изота Ивановича Хворощина, от Клавдии Изотовой, – в общем, от всех, кого вы встречали в Ливнах. Ливны стали уже не те, что были в тридцатых годах. Теперь вы их не узнаете. Может быть, помните бульварчик на центральной нашей улице, на Соборной? Так вот от стадиона, где она начинается, и до Сергиевской церкви, где она

кончается, на протяжении двух этих километров нет ни одного целого здания. Ни од-но-го. Одни руины. 28 июня 1942 года фашисты почти снесли Ливны с лица земли...

А вот два дома, в которых вы жили, чудом уцелели. Вокруг развалины, а они стоят, как заговоренные. На Заливенке, в вашем кирпичном доме, во время оккупации был санбат, сначала немецкий, а потом и наш. Вещей там не сохранилось. Только олеандры и фикусы остались, да еще две керосиновые лампы под синим и розовым фарфоровыми абажурами. Вы, кажется, под ними писали «Кара-Бугаз».

Видался я и с вашим Шацким из «Кара-Бугаза». Он теперь тоже не тот. Злая болезнь прогрессирует. Теперь почти невозможно определить, бредит ли он или говорит разумно. Он узнает только свою сестру Нину.

В 1948 году, сразу после выхода в свет вашей «Повести о лесах» мы ее коллективно обсуждали. Вы подарили нам шесть глав о ливенчанах... А теперь вы, наверное, совсем забыли про Ливны.

– Как же это возможно, молодой человек? Забыть Ливны? Забыть ливенчан? Ливны вошли в мое сердце, и я думаю, что об этом городе и его жителях я напишу еще раз. Не было бы Александра Дмитриевича Нацкого, не было бы Ливен – не было бы и «Кара-Бугаза», моей первой большой, главной книги. А вы говорите: забыть Ливны. Я, знаете ли, человек суеверный, о своих планах и замыслах никому не говорю. Примета у меня такая: скажешь, а сказанное не сбудется. Но для вас я сделаю исключение, открою свой секрет. Сейчас я начал писать что-то вроде эссе

под условным заголовком «Золотая роза». В ней будет одна глава «Ливенские грозы». Она уже написана. Вот, читайте.

Я впился глазами в четкий разборчивый почерк Паустовского.

– Ну, как?

– Здорово, Константин Георгиевич. Но почему так мало?

– Но ведь это только одна глава, а не отдельный рассказ. А в повести должно быть равновесие всех глав, балансировка. Большого написать нельзя. А теперь показывайте и то, что привезли вы. Только условимся: я прочту всего одну страницу, если увижу, что это плохо, я ни читать дальше, ни обсуждать не буду, не станем терять попусту время.

– Вот мой рассказ. Всего три страницы на машинке.

Паустовский их быстро прочитал, снял очки и тщательно протер стекла замшевым лоскутом, отпил пару глотков чаю и начал читать заново, уже медленнее. Потом поднял глаза на меня.

– А в этом что-то есть, а что, я пока не уловил, на что-то похоже. У меня такое впечатление, что нечто подобное я уже читал. Да-да, это очень похоже на прозу Хемингуэя. Вы слышали о таком писателе? А что вы читали у этого американского писателя?

– Все, что переведено Кашкиным на русский язык. Английский я знаю плохо, читаю, но со словарем.

– Но где вы добываете его книги? Они как бы запрещены. Они изъяты из библиотек...

– Мне повезло. В Воронежском университете я два семестра работал вечерним библиотекарем. У меня был

ключ от закрытого фонда. Там я прочитал не только Хемингуэя, но и Ремарка. Беля, Олдингтона, Дос-Пассоса, Фитджеральда...

– А сколько вам лет Юрий Николаевич?

– Уже девятнадцать...

– И много же вы написали?

– Три толстые тетрадки.

– Давали ли вы их кому-нибудь читать?

– Нет. Вы – первый...

– А вот это хорошо. А писать вам нравится, сможете ли вы жить без этой писанины?

– Конечно, могу.

– Вы печатались?

– Да, в школе, в стенгазете...

– И давно ли вы начали писать?

– С семи лет.

– Вот вы дали мне рассказ. Вы его дали мне как лучший?

– Нет. Я взял, что попало под руку.

– А что-нибудь мое вы читали?

– Все, что есть.

– Вы говорите мне лестные комплименты. Спасибо. Выходит, вам нравится моя проза?

– Далеко не все. Моя любимая ваша книга «Кара Бугаз».

– В девятнадцать лет я напечатал три рассказа. Но теперь я считаю, что печататься стоит только в зрелом возрасте. Я бы с удовольствием отказался от авторства тех вещей, которые написал до тридцати лет. А каковы ваши планы, чем вы собираетесь заняться?

– Работать учителем начальных классов. Как мама...

— А скажите, вы любите рыбную ловлю?

— Иногда балуюсь...

— Что вы, что вы, какое же это баловство? Это дело серьезное. Скажу вам по секрету: если бы я был лишен возможности удить, я бы не смог писать. А у вас там в Ливнах какие угодья для рыболова! Река Быстрая Сосна, приток Тихого Дона, и еще — Кшень, Олым... Есть где разгуляться. А рыба? Таких огромных подустов — по три килограмма — я нигде, кроме Сосны, не видывал... Смотрите, уже рассвело, давайте ложиться спать...

Проснулся я в три часа дня. На веранде гремела посудой какая-то старушка.

— А Паустовский где?

— В Москве, в Литинституте. Он ведет там семинар. Он наказал накормить вас и дать деньги на такси.

Я позавтракал, а от денег отказался. В те годы я предпочитал передвигаться «автостопом»...

Память о К.Г.Паустовском

В 1962 году в стране широко отмечался юбилей писателя — семидесятилетие К.Г.Паустовского. Готовились к этой дате и в Ливнах. При районной газете «Знамя Ленина» работало литературное объединение «Проталинка», где с юнкорами занимался зав. отделом писем Ю.Н. Беляев. На его предложение провести в районном Доме культуры торжественный вечер, посвященный знаменательной дате, откликнулись многие.

Доклад подготовила Тамара Михайловна Могилевцева — заслуженный учитель школы РСФСР — большой знаток и ценитель литературы. Режиссер театра юного зрителя (был в те годы в Ливнах такой театр) Виктор Иванович Джагарян-Сизонов написал инсценировку главы «Драгоценная пыль» из повести «Золотая роза», и «ливенских» отрывков из других произведений. Режиссер народного театра — заслуженный артист РСФСР Николай Егорович Смирнов поставил их в исполнении самодеятельных артистов.

Изготовили красивые пригласительные билеты на вечер с портретом писателя. Естественно, послали

поздравление с юбилеем Константину Георгиевичу и приглашение приехать в Ливны на праздник.

Послали такое же письмо и приглашение Нине Дмитриевне Нацкой. Накануне праздника пришло письмо от Нацкой. Она благодарила за приглашение и сообщила тревожную весть: «Была два раза у жены и сына Паустовского. Паустовский лежит в Кремлевской больнице и доступ к нему два раза в месяц. 23 мая был у него сын. Но о результате лечения ему не сообщили. Во всяком случае, Паустовскому прописан полный покой – у него инфаркт. Как было бы хорошо отложить празднование до его выздоровления. Ведь он всерьез хотел поехать в Ливны. А пока я соблазняла его сына Вадима съездить на пару дней в Ливны, но он до выздоровления отца никуда из Москвы отлучаться не намерен».

Организаторы вечера понимали создавшееся положение и уже ничего не ждали. Но, 30 мая, во время доклада почтальон принес телеграмму: Ливны, литературное объединение при газете «Знамя Ленина», заведующему отделом писем Беляеву Юрию Николаевичу.

«Часто вспоминаю Ливны, милых ливенцев, в частности чеховского самоотверженного врача Нину Дмитриевну Нацкую, реку Быструю Сосну, вездесущих ливенских мальчишек, жаркий городской сад, где я писал в ветхой беседке свою первую большую книгу. Спасибо за память, привет Вам, Могилевцевой, Смирнову и всем участникам литературного вечера».

Паустовский.

Собравшимся зачитали телеграмму, все долго и горячо аплодировали. Всем хотелось самим подержать в руках этот листочек.

Значение этой телеграммы, отношение Паустовского к Ливнам и ливенцам стало особенно понятно, когда прочла книгу Э.А. Миндлина «Необыкновенный собеседник». Он подробно описывает, как ко дню юбилея Константина Георгиевича почтальоны завалили его квартиру кипами писем и телеграмм. Еще ценнее стала эта телеграмма, т.к. в кипе посланий не затерялось наше приглашение и, несмотря на состояние здоровья, писатель сам написал ответ в Ливны.

***

В 1992 году исполнительный совет Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) внес в Календарь мировых памятных дат и знаменательных событий 100-летие выдающегося писателя современности К.Г. Паустовского. Это событие широко отмечалось в России и за рубежом.

В Москве в институте мировой литературы РАН состоялась большая международная конференция, на которую съехались писатели и ученые многих стран.

Мне посчастливилось принимать активное участие в Юбилейной научной конференции стран Содружества «Жизнь и творчество К.Г. Паустовского (1892-1992)» и возглавить на ней секцию краеведов и книголюбов. Тема моего выступления была - «Ливенские мотивы в творчестве Паустовского».

Секция краеведов

Руководитель секции Л.А.Беляева

О работе К.Г.Паустовского в газете "Моряк".

— С.В.Тарасюк, корреспондент газеты "Моряк" (Украина, г. Одесса).

Есенин и Паустовский.

— В.М.Касаткин, краевед, председатель общества охраны и использования памятников культуры (г. Рязань).

Паустовский, Ливны, ливенцы.

— Л.А.Беляева, краевед (г. Ливны, Орловской обл.).

Писатель и история (на материале повести К.Паустовского "Судьба Шарля Лонсевилья").

— В.С.Савельев, директор музея Онежского тракторного завода (Карелия, г. Петрозаводск).

100-летний юбилей К.Г.Паустовского на Украине.

— В.К.Ярмола, директор школьного музея К.Паустовского (Украина, с. Пилипча).

"Однажды летом я жил в степях за Воронежем..."

— С.А.Охремчик, краевед (г. Воронеж).

О перспективах создания музея Паустовского в Тарусе.

— И.Я.Бодров, краевед (г. Таруса, Калужской обл.).

Подведение итогов работы секции.

ПРОГРАММА

МЕЖДУНАРОДНОЙ

НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,

посвященной 100-летию

со дня рождения

К.Г.ПАУСТОВСКОГО (1892-1968)

Фрагмент программы конференции.

В рамках празднования прошли литературные праздники в Москве в Центральном Доме писателей и в Тарусе, где участники праздника могли поклониться могиле писателя на высоком берегу Оки.

К юбилею был издан первый номер прекрасного журнала «Мир Паустовского». В настоящее время этот журнал имеет 29 номеров.

В Ливнах к этой дате открыли экспозицию в краеведческом музее. Учащиеся художественной школы подготовили тематическую выставку своих работ. В школах города на уроках литературы писали сочинения по произведениям К.Г.Паустовского. Областное радио и телевидение дало возможность нам подготовить цикл передач «Паустовский и Ливны». Ливенская газета напечатала ряд публикаций местных краеведов. Администрация Ливенского района присвоила библиотеке по ул. Воронежской имя К.Г. Паустовского.

В дни юбилея в библиотеках и учреждениях культуры прошли литературные вечера, выставки книг, читательские конференции.

Ливенцы помнили писателя, чтили его память и с радостью отметили его столетний юбилей.

***

В дни празднования 100-летнего юбилея актив музея Паустовского принял решение проводить ежегодно Российские литературные праздники Паустовского в одном из мест, где жил и творил писатель.

Праздники прошли в Москве, Одессе, Рязани-Солотче, Тарусе. Эти праздники способствовали не только популяризации творчества и личности писателя-гуманиста, но и оживлению культурной жизни городов.

В 1996 году ливенские краеведы, поддерживающие тесную связь с музеем Паустовского, предложили музею – литературному центру в Москве и Ливенской

городской администрации провести такой российский праздник на ливенской земле. Надо сказать, что и музей и администрация города пошли навстречу пожеланиям, создали оргкомитет по проведению мероприятия и работа закипела. Праздник был назначен на 2-4 августа.

Об участии в празднике заявили 48 человек из разных уголков страны, ближнего и дальнего зарубежья.

Уже 1 августа стали съезжаться гости на гостеприимную ливенскую землю.

На праздник приехал дорогой гость – сын писателя – Вадим Константинович, писатели А. Борщаговский и М. Холмогоров, писатель из Словакии – автор книг о Паустовском, Ван-Гоге и Хемингуэе Иван Махала, весь состав музея во главе с директором И.И. Комаровым, редколлегия журнала «Мир Паустовского» и много любителей творчества Константина Георгиевича из разных городов России и стран Содружества.

На праздник собрались все ливенские краеведы, все поклонники творчества писателя.

С большим неподдельным интересом все участники праздника прошли по местам, связанным с именем писателя или упомянутым в его произведениях. Побывали в Заливенке, в доме, где лето-осень 1931 года жила семья Паустовских. Но, каково же было удивление экскурсантов, когда на пороге заливенского дома их встретила Алиса Ивановна Бондарева. Вадим Константинович Паустовский и Алиса Ивановна тепло и сердечно встретились через 65 лет. Вадим Константинович узнал комнату, где жили Паустовские в 1931 году, рассказал, где стояла мебель, где цветы. Что-то из вещей осталось с тех пор.

Все гости по берегу Сосны пешком дошли до Адамовской мельницы, полюбовались местами рыбалки писателя. Вечером собрались в центральной библиотеке им. Пушкина на заседании литературных клубов «Геликон», и «Ретро». Работники библиотеки постарались на славу. К празднику подготовили и отпечатали библиографические справочники, буклеты, памятки. Тепло и непринужденно шел разговор ливенских и приезжих почитателей творчества писателя; делились воспоминаниями, читали отрывки из произведений Константина Георгиевича, стихи ливенских поэтов, пели песни. Разговоры затянулись допоздна.

А наутро в большом зале музыкальной школы (ныне зал городской администрации) состоялась литературно-краеведческая конференция.

Ливны. 1996 г. Выступает со словом о Паустовском Могилевцева Т.М.

Интересные выступления
А. Борщаговского, М. Холмогорова,
Г. Корниловой, В. Паустовского

Борщаговский А.

выступления писателей И. Махалы, дополнялись выступлениями ливенских краеведов. После конференции все отправились в краеведческий музей на открытие тематической экспозиции. А

завершился

праздник в лесу Липовчик – еще одном любимом месте отдыха Константина Георгиевича. Для гостей пели лучшие самодеятельные артисты, играли «ливенские гармошки», читали стихи ливенские поэты и гости праздника.

Послесловие

к ливенским дням Паустовского

Свои впечатления о подготовке и проведении праздника, посвященного Паустовскому, на ливенской земле напечатали практически, все гости в своих региональных газетах и журналах. Приведу два отзыва.

В газете «Российские вести» писатель Александр Борщаговский напечатал статью:

«В Ливнах, на берегу Быстрой Сосны»

Дни Константина Паустовского на Орловищине, в Ливнах...»

Не каждый, даже из почитателей выдающегося писателя, ответил бы на недоуменные вопросы наших поездных попутчиков: почему, собственно, Ливны? Но в самих Ливнах, в городе и в округе, кажется, не нашлось бы грамотного, читающего человека, который не был бы убежден, что Паустовский принадлежит его земле, луговому раздолью, царственным изгибам реки Сосны, здешним дубравам и целительному воздуху.

Не чья-то прихоть привела сюда в начале августа 1996 года десятки знатоков творчества Паустовского, гостей из ближнего и дальнего зарубежья. В России и в странах СНГ растет число библиотек, принимающих имя Паустовского, и спонтанно возникают культурные объединения, центры и товарищества, деятельность которых так или иначе связана с жизнью и творчеством Константина Георгиевича, с обострившимся интересом

славистов и филологов Европы и обеих Америк к его наследию, с участвовавшими переводами книг Паустовского. Напомню, что именами Паустовского, Цветаевой и Фета был обозначен в красном Мировом календаре ЮНЕСКО год 1992-й, год столетия Паустовского.

Мы только сейчас, спустя многие десятилетия, приближаемся к пониманию все возрастающей популярности Паустовского, ее уверенной, спокойной, неторопливой поступи; научаемся ценить его не как нетерпеливые и скорые на суждения (и осуждения!) современники его, а пристальнее и глубже.

Почему же так радовались ливенцы, жители городка с населением меньше шестидесяти тысяч, принимая у себя знатоков и почитателей Паустовского, принимая его сына, Вадима Константиновича, мальчишкой избегавшего здешний высокий берег Сосны?

В эти дни они приобщились к товариществу мира Паустовского, вошли в него желанными, равными членами. К их жизни и размышлениям что-то прибавилось, пусть малая толика света и смысла. То, что до сих пор было домашними толками, историями из далекого, более чем полувекового прошлого, предстало вдруг в подлинном, несомненном, непроходящем значении. Что-то же привлекло в эти дни к ним, на берег Сосны, писателя из Словакии – Ивана Махала, автора книг о Ван Гоге, о Хемингуэе и Паустовском, что-то позвало журналистов из Одессы, которым пришлось разместиться не в гостинице, а в нашем купейном вагоне, дожидавшемся нас в Ливнах, ибо одесситам как... иностранцам не по карману оказалась

ливенская гостиница по сказочным ценам для чужеземцев. Что-то толкнуло в Ливны молодого сельского столяра из Крансодарского края, уверовавшего в двух святых российской духовности, в Чехова и Паустовского, Дмитрия Лабутина, готового примчаться хоть на край света;

Что-то привело сюда поэта из Полтавы, Федора Гарина, тоже отправленного на вагонную полку непреклонным гостиничным начальством. Что-то толкнуло к нам в эти дни жителя Заполярья, учителей, ученых, а почтовиков Ливен поразила телеграмма из Бразилии, из Сан Пауло, от Ноэ Силья, филолога, исследователя, известившего, что, к великому сожалению, он не поспевает в Ливны, так как только вчера с успехом защитил докторскую диссертацию о жизни и творчестве Паустовского.

Мир Паустовского и Ливны! На первый взгляд это покажется несоразмерным, чтобы соединить две эти реальности, нужны десятки, если не сотни страниц Паустовского, главы из истории его жизни, письма писателя и, если угодно, его жизненная вера и философия. Когда искали имя для журнала, родившегося в недрах литературного Музея-Центра Паустовского в Кузьминках (в Москве), в скромном парковом особнячке, то не без робости остановились на таком решительном, а на чей-то взгляд нескромном, вызывающем имени «МИР ПАУСТОВСКОГО»

Но вот Музей-Центр узаконен государством, он уже не нищенствует, как положено бесправному «народному», сиречь – самодеятельному музею. И его сотрудниками уже выпущено в свет 8 номеров журнала

«Мир Паустовского». Готов, отпечатан и очередной, 9-й номер, и в нем два десятка страниц отданы Ливнам: воспоминаниям, документам, редким фотоснимкам. Это Ливны 20-х и 30-х годов.

Интеллигенция Ливен, сотни ее жителей терпеливо добивались проведения Дней Паустовского на своей земле, уступив первенство Москве, Тарусе, Одессе, Рязани и древней реке Рось под Белой Церковью. Ливны приняли гостей нынешним летом, приняли без шумихи и помпезности, таких ненавистных Константину Георгиевичу. Более всего разговор шел о двух его долгих приездах в Ливны, о судьбах многих ливенцев, давно умерших и тех, кто еще жив. Увы, их, старых знакомцев, осталось очень мало, — о рождении в ливенские приезды нескольких рассказов Паустовского, но более всего, о повести «Кара-Бугаз», мысль о которой зародилась в Ливнах, толчком послужила дружба с геологом Александром Дмитриевичем Нацким, фигуру которого, его образ писатель увековечил в главном действующем лице повести, геологе Шацком.

Что ж, едва ли не каждый писатель за годы работы и скитаний обретает новых друзей, «подпитывается» чужими жизнями, драмами и откровениями. Но очень немногим даются эти случайные встречи с таким проникновением в судьбы людей, с таким пониманием их неразрывной связи с жизнью народа, с историей современности, которая соединяет их навсегда. Мало сказать: Паустовский побывал в Ливнах в середине двадцатых годов, а затем — в 1931 году. Ливны стали частью его жизни, столь же сущей, как и Солотча или

Одесса, при всей несоразмерности масштабов и времен.

Ливны стали частью его жизни, столь же сущей, как и Солотча или Одесса, при всей несоразмерности масштабов и времен. Приняв в себя с сыновней благодарностью Ливны, он стал навсегда страницей истории Ливен.

*Библиотека им. К.Г. Паустовского
в Ливнах.*

Слушая выступления почитателей и знатоков творчества Паустовского, убеждаешься воочию, как много может сделать литература для единения людей, для очищения самой атмосферы жизни, изгнания из неё озлобленности и воинствующего, агрессивного эгоизма.

Радостно было услышать, вопреки зловещим слухам о

«кончине» библиотеки имени Паустовского в связи с предстоящей продажей с аукционных торгов здания, где

располагается эта библиотека, любимая ливенцами, с 35000 томов книжного фонда, что она будет существовать наряду с большой ливенской библиотекой имени Пушкина. Если Дни Паустовского в Ливнах хотя бы в малой степени помогли сохранению библиотеки Паустовского, тогда «съезд гостей» на берегу Быстрой Сосны уже может считаться благом.

Не могу не сказать о широте и административной щедрости, точнее, о размахе, с которым ливенская гражданская администрация организовала этот праздник культуры, причем почти сразу же по завершении другого, очень важного для Ливен юбилея: философа и теолога Сергея Булгакова, чья жизнь тесно связана с Орловщиной, и прежде всего с Ливнами.

В Ливнах, как нам показалось, хорошо хозяйничают, особенно на земле, в деревне. Кормят население с превосходным хлебом и молочными продуктами подешевле, чем это достается большинству россиян. Поживи мы в Ливнах дольше, загляни в иные дальние закоулки, и мы, я думаю, набрали бы и на отзвуки общих для страны бед и недомоганий. Но мы для Ливен отнюдь не были высокими персонами, никто ради нас не стал бы суетиться по части торговли или хлеба, испеченного из отличной крупчатой муки.

Мы накоротке вошли в обыкновенную, заурядную жизнь, какой живут работающие ливенцы изо дня в день. И родилось ощущение относительного благополучия, спокойствия, уравновешенности. Всего того, чем мы научились так дорожить в последние годы.

16 августа 1996 г.

Рязанский краевед Владимир Касаткин напечатал свой отзыв о празднике в рязанской «Приокской газете».

Статья называлась:

«Дорогами Константина Паустовского: Рязань-Солотча-Ливны».

В начале августа этого года Рязань передала эстафету

Касаткин В.

городу Ливны, расположенному на юго-востоке Орловщины на холмах Средне-Русской возвышенности, у места слияния рек Ливенки и Быстрой Сосны (притоки Дона). Здесь проходит водораздел между верховьями Оки и Дона, а точнее, — между бассейнами рек, текущих в Азовское с Черным и Каспийское море.

Городок Ливны — древний, (он упоминается в летописях еще в конце XII века), входил в состав земель рязанского княжества.

В 1586 году здесь была заложена крепость для защиты южных границ Руси от набегов крымских и ногайских татар.

Ныне Ливны — районный центр Орловской области с населением 54 тысячи человек. Город уютный, компактный, с геометрически правильной планировкой, ухоженный и зеленый, живописно раскинулся на высоких берегах рек. Сюда, на встречу, приехали 42 человека из тринадцати городов России, Украины и

далекой Словакии – писатели, журналисты, профессиональные литературоведы, краеведы, работники библиотек и музеев, читатели и почитатели таланта К.Г. Паустовского. Лето 1931 года Паустовский с семьей провел в Ливнах. Это нашло отражение в его книгах – в «Повести о жизни», «Золотой розе», в повести «Кара-Бугаз». Жители города послужили реальными прототипами его литературных героев. Дочь хозяина ливенского дома, где жил писатель, Алиса под именем Анфиса описана в «Повести о лесах», известный геолог А.Д. Нацкий – исследователь геологии Туркестанского края – послужил прообразом геолога Шацкого в «Кара-Бугазе», старик рыболов с Адамовской мельницы – герой рассказа «Старик в потертой шинели».

Первая встреча паустовцев состоялась в районной библиотеке имени А.С. Пушкина, где прошло совместное заседание клубов «Геликон» и «Ретро». Вечер так и назывался «Паустовский, Ливны, ливенцы...»

Выступали с интересными сообщениями ливенские краеведы Л.А. и Ю.Н. Беляевы, В.В. Зайцев, Г.В. Рыжкин, звучали русские песни и романсы, а гармонисты исполняли задорные наигрыши на знаменитых миниатюрных гармоншках-ливенках.

Игру на ливенках любил Л.Н. Толстой, гармошка-ливенка упоминается в стихах нашего земляка великого поэта С.А. Есенина.

Участников встречи ждали два сюрприза – директор музея-центра И.И. Комаров был в этот день именинником (Ильин день), а у сына писателя

В.К. Паустовского – день рождения. Их тепло приветствовали, в их честь звучали романсы.

А второй сюрприз устроили ливенцы. Они пригласили на вечер дочь хозяина дома 83-летнюю Алису Ивановну Бондареву (Поляничко). И ровно через 65 лет состоялась ее встреча с сыном Паустовского Вадимом

Константиновичем. В то ливенское лето 31-го ему было всего 6 лет. Это было теплое и трогательное свидание...

На другой день в городской музыкальной школе состоялась научно-краеведческая конференция «К.Г. Паустовский и Ливенский край». Интересными содержательными были выступления писателей А.М. Борщаговского, М.К. Холмогорова, Г.П. Корниловой – главного редактора журнала «Мир Паустовского», В.К. Паустовского, краеведа Л.А. Беляевой. Писатель из Словакии Иван Махала сказал, что благодаря К.Г. Паустовскому он стал писателем, полюбил великую страну Россию,, ее замечательных людей и ее неповторимую природу. Он нашел в России искренних друзей. Вспомнил он, как несколько лет назад вместе с автором этой статьи совершил незабываемый поход по мещерским мшарам к Черному озеру – по тропе Паустовского.

В местном музее участники встречи участвовали в открытии экспозиции «Паустовский и Ливны». Между прочим, месяц назад там была открыта экспозиция, посвященная 125-летию со дня рождения уроженца города Ливны – выдающегося мыслителя, богослова, экономиста и статистика С.Н. Булгакова (1871-1944).

Гуляя по городу и его окрестностям, с особым волнением посетили старый каменный дом над высоким берегом Быстрой Сосны, где лето 31-го писатель прожил с семьей. Сейчас на доме установлена мемориальная доска.

Все встречи, вечера, конференции паустовцев отличаются необыкновенной атмосферой доброжелательства, теплотой человеческого общения. Всех объединяет любовь к творчеству и личности выдающегося Мастера.

Я назвал бы это братством Паустовского, Братством, которое не знает государственных границ, национальных перегородок и языковых барьеров.

Николай Степанищев

Ливенские летописцы

Существует особая форма культурного подвижничества – литературное краеведение. Речь идет о творчестве литераторов-энтузиастов, которые увлеченно, по крупицам, собирают различные материалы о природе, истории и судьбах людей родного края, а затем рассказывают землякам о своих поисках и находках на страницах газет, с экранов телевизоров, в книгах, выпускаемых местными издательствами.

Их публицистический вклад в общественно-информационную сферу жизни огромен. Ведь каждый поселок, город, как и люди, имеет собственное лицо, свою биографию, традиции. Эти самобытные черты, выражаясь словами К.Г. Паустовского, определяют «самый пейзаж страны, как это определяет какой-

нибудь изволок, уходящий в вечеряющий туман над милой до сердцебиения рекой».

И сразу можно увидеть красоту родной природы, услышать голоса людей, бок о бок с которыми ты живешь. Думаю, не ошибусь, если скажу, что наша литературоведческая наука пока находится на подходах к изучению публикаций многочисленных литераторов-краеведов. Ей еще предстоит дать оценку этому бесценному наследию.

Интересные публицисты-краеведы живут и работают в небольшом городке на Орловщине – в Ливнах. Среди их педагог Федор Ковалев, инженер-конструктор Геннадий Рыжкин, юрист Валентин Зайцев, супруги Юрий и Лидия Беляевы...

«Земля, где родился, – особенная, – пишет в своей книге «Ливны» Федор Васильевич Ковалев. – Ее нельзя не любить. А что значит любить родной край? Любить – это значит делать его красивее, лучшее... Пусть любовь к родному краю звучит в каждом нашем деле!»

Таким творческим делом для семьи Беляевых, например, на долгие годы стал активный поиск всевозможных свидетельств, связанных с жизнью и литературной деятельностью Константина Паустовского на ливенской земле. Об этом наш рассказ.

...Юрий Николаевич Беляев родился в г.Ливны 7 января 1936 года. Отец был кадровым военным, мать – учительница начальных классов. Наверное, не стоит пересказывать всю его биографию. Отметим лишь, что Ю. Беляев переменял много профессий – был офицером, журналистом, партийным работником, наладчиком, слесарем механо-сборочных работ на

Ливенском заводе жидкостных счетчиков... В свое время окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Ныне, как говорят, на заслуженном отдыхе.

И хотя здоровье заметно пошаливает, внешне Юрий Николаевич выглядит вполне бодрым мужчиной. Он – спокоен, выдержан, всегда среди людей. С любопытством присматривается к окружающей жизни, без усталости тянет лямку профессионального журналиста. Словом, Беляева хорошо знают в Ливнах.

В «Ливенской газете», «Орловской правде», в других периодических изданиях регулярно появляются его публикации о личности и творчестве Паустовского. Зачастую розыскания, суждения журналиста-краеведа поражают читателей своей новизной, неожиданностью. Они во многом дополняют наши представления о писателе, позволяют еще раз уяснить, что настоящее искусство не нуждается в мелочном правдоподобии факта. Его сила в правдоподобии образов, характеров.

В то же время из рассказа Алисы Ивановны Бондаревой «У нас жил Паустовский», записанного Ю. Беляевым («Ливенская газета» за 31 июля 1996 г.), нам, безусловно, небезынтересно было узнать, что образ садовода Николая Никитича в «Повести о лесах», который выводит в маленьком городке небывалые цветы и плоды, «целиком списан» с ее отца – Ивана Александровича Бондарева.

Из этого же газетного материала выясняется и другой любопытный факт. Оказывается, на чердаке дома Бондаревых Константин Георгиевич Паустовский отыскал две оригинальные краеведческие работы –

книги Артемьева «Ливны и Ливенский уезд» и Пясецкого «Исторические очерки города Ливны и его уезда». И «с удовольствием прочитал их от корки до корки». В истории Ливен как в зеркале отразилась биография провинциальных городов России. Имея в руках такой богатейший материал, писатель смог выпукло показать прелести этого древнерусского городка в «Повести о лесах», связать облик и судьбу Ливен с судьбой природы и, конечно же, с судьбой леса и родной земли.

Это только один пример, показывающий возможности способного публициста-исследователя из Ливен. А их можно было бы приводить бесчисленно. Юрий Николаевич Беляев разрабатывает тему «Константин Паустовский и Ливны» уже свыше тридцати лет. За минувшие годы в местной и центральной печати опубликовано около сотни различных аналитических и проблемных статей, очерков и интервью. Собственно, названная деятельность стала нормой его бытия, своеобразной мерой, которой можно промерить все – и журналистские дела, и личную жизнь. Беляев и сейчас работает так же, как и прежде, – не щадя себя.

Отношение к писателю у него по-своему трогательно-тёплое, можно сказать, даже детски-почтительное. Возможно, это ключ к пониманию им отдельных фактов биографии и творчества Паустовского. Но при этом возникает законный вопрос: Когда же все-таки Юрий Николаевич впервые «заболел» – увлекся Паустовским? Как это случилось? Оказывается, история давняя, с сединой.

По словам Беляева, он научился читать раньше, чем пришел в первый класс и принялся усваивать таблицу умножения. В руки мальчишки попала маленькая книжка Константина Паустовского «Золотой линь», изданная Детгизом, — про счастливую рыбалку. Маленький Юра прочел ее, и с той далекой поры в его сердце поселилась неуёмная сладостная тяга к произведениям писателя. По мере взросления он уже, не отрываясь, «проглатывал» «Кара-Бугаз», «Колхиду», «Черное море», «Тараса Шевченко», «Северную повесть» и остальные вещи. В один из июньских дней 1956 года Юрий Беляев, набравшись смелости, отправился к писателю в Тарусу. В глухую дождливую ночь незваный гость предстал перед Константином Георгиевичем. Рассчитывать на особенно теплую встречу ему, понятно, не приходилось. Но вышло иначе. Узнав, что приезжий из городка над Быстрой Сосной, Паустовский радушно принял его. Приютил, угостил, долго беседовал...

Вот такая радостная история произошла тогда в жизни Юрия. Встреча в Тарусе по существу определила творческую судьбу Беляева. От нее тянется живая связь ко всем нынешним его заботам.

Обстоятельства сложились так, что Юрий Николаевич долгие годы работал заведующим отделом в ливенской районной газете, руководил литературным объединением «Проталинка» при редакции. Именно он с редкой откровенностью нес начинающим прозаикам и поэтам живое слово любимого писателя, его мысли и романтический дух. Так что Константин Георгиевич всегда незримо присутствовал среди ливенских

авторов, звал их быть честными, любить природу, хранить культурные ценности прошлого. Ныне лучшие традиции «Проталинки» продолжает литературно-поэтический клуб «Геликон» при Центральной библиотеки им. А.С. Пушкина. Руководит им прекрасный педагог Лидия Тимофеевна Жердева.

Кстати, редактором «районки», когда в ней работал Ю. Беляев, был известный на Орловщине писатель Дмитрий Ильич Головин (повесть «Седьмая весна», сборники рассказов и очерков «Задумчивый разговор», «Зеленая дуга» и др.). Сейчас мало кто знает, но он, оказывается, в далеком 31-м году, тоже встречался в Ливнах с Константином Паустовским. Молодой журналист Головин получил тогда немало дружеских творческих советов. Затем стал писателем. И, конечно же, впоследствии Дмитрий Головин постарался передать многое из сказанного ему Паустовским своему ученику по газетному цеху Юрию Беляеву. Это — не верхний пласт отношений. Связь тут очевидная и глубокая.

Многим землякам Юрия Николаевича известны серии его очерков и статей «Из глубины веков», «Знаменитые ливенцы». Он написал историю ливенских партийной и комсомольской организаций. Понимаю, что сегодня этот подведомственный труд не производит реального впечатления — рухнули привычные общественно-политические столпы. Но ведь от прошлого не откажешься. Сейчас Юрий Николаевич готовит к печати книгу «Ливны — город прифронтной».

Беляев собрал богатый материал о дружбе ливенского железнодорожного мастера и знатока местной природы Изота Хворощина с Паустовским, о пребывании Константина Георгиевича в деревне Горностаевка в гостях у мастера на все руки, сельского кузнеца Павла Васильевича Горностаева... Полагаю, Юрий Николаевич был первым, кто установил, что знаменитая повесть «Кара-Бугаз» была написана на две трети в Ливнах.

...Много сил отдает литературному краеведению и верный друг Юрия Николаевича, его жена – Лидия Александровна Беляева. Еще школьницей она занималась в литературном объединении «Проталинка», написала тогда свои первые очерки о земляках. Окончила филологическое отделение Орловского государственного педагогического института (ныне педуниверситет). Примечательно, что ее дипломная работа была посвящена Паустовскому. Называлась она: «Ливенские мотивы в творчестве Константина Паустовского».

Собственно, это было оригинальное, самостоятельное литературоведческое исследование, выполненное по совету заведующего кафедрой литературы Леонида Николаевича Афонина – автора известного труда о Леониде Андреевне, а также нашумевшей книги «Рассказы литературоведа».

Многие годы Лидия Александровна находилась на комсомольской и партийной работе. Она пишет о знатных земляках – литераторах, ученых, артистах. Чаще всего выступает с этими материалами по областному радио. Например, в канун 100-летия со дня

рождения К.Г. Паустовского Орловское областное радио провело цикл ее радиопередач (восемь выступлений): «Паустовский, Ливны, ливенцы».

А автору этих строк вспоминается международная конференция, посвященная столетнему юбилею писателя, которая проводилась Институтом мировой литературы Российской Академии наук совместно с Литературным музеем-центром Паустовского 24-27 ноября 1992 года в Москве. На ней присутствовали видные ученые из многих стран мира. Удостоилась высокой чести быть на этом представительном форуме и филолог из Ливен Лидия Беляева. Ее тогда единодушно избрали председателем секции краеведов. Лидия Александровна не только блестяще справилась с задачей, но и выступила на одном из заседаний секции с интереснейшим сообщением – «Паустовский, Ливны, ливенцы».

Насколько мне известно, так же будет называться и книга, рукопись которой Лидия Александровна готовит в настоящее время к печати. Литературные тексты готовы. Дело за спонсорами.

Сейчас Лидия Беляева работает в администрации Ливенского района Орловской области, но она по-прежнему с пером в руках. Недавно широкая общественность отмечала 125-летие со дня рождения знатного ливенца Сергея Николаевича Булгакова – русского философа, экономиста, публициста, основателя Русского богословского института в Париже. К этой юбилейной дате Издательство Орловской государственной телерадиовещательной компании выпустило прекрасное, художественно-

оформленное издание – сборник избранных произведений С.Н. Булгакова «Моя Родина».

Одним из составителей этой книги стала Лидия Александровна.

Вот такие интересные люди живут и трудятся в небольшом районном городке Ливны. Они страстно любят родную землю, красоту здешней природы, а главное – традиции и обычаи людей, живущих на этой русской земле.

Список литературы

1. Паустовский К. Собрание сочинений в 9 томах. М. 1981-1986 гг.
2. Паустовский К. Повесть о лесах. Рассказы М., 1982 г.
3. Паустовский К. Время больших ожиданий. Повести, дневники, письма. т 1,2, М., 2002.
4. Паустовский К. Очерки и публицистика, статьи и выступления по вопросам литературы и искусства. М., 1972 г.
5. Паустовский К. Повести о жизни. 2 т. М., 1993 г.
6. Паустовский К. Золотая роза. Повести. Рассказы. М., 1993 г.
7. Паустовский К. Лавровый венок. М., 1985г.
8. Паустовский К. Как я работаю над своими книгами. М., 1934 г.
9. Левицкий Л. Константин Паустовский очерк творчества. М. 1963 г.
10. Воспоминания о Константине Паустовском. М., 1983 г.
11. Журнал «Мир Паустовского» Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского №10-11, 11-12, 17, 25.
12. Беляев Ю. Автограф Паустовского, «Литературная Россия», 1987. № 45.
13. Беляев Ю. Дом Паустовского, «Орловская правда», газета, 1980 г. 6 августа.
14. Беляев Ю. Паустовский в гостях у Хворощина, «Знамя Ленина», газета, 1981 г. 16 мая.
15. Беляев Ю. У нас жил Паустовский, «Знамя Ленина», газета, 1980 г., 4 октября.
16. Беляев Ю. Сапоги для Шаляпина, «Орловская правда», газета, 1986 г., 6 сентября.
17. Ионов А. И слышится его голос, «Огонек», журнал, 1979 г., № 22
18. Паустовский В. Ливны, Солотча, Таруса. М., 1970 г.
19. Хворощина К.К. Паустовский в гостях у Хворощина, «Знамя Ленина», газета, 1981 г., 10 января.

В сборнике использовались материалы и фотографии Московского литературного музея-центра К.Г. Паустовского и Ливенского краеведческого музея.

Лидия Беляева

***Паустовский,
Ливны,
ливенцы***

**Литературно-краеведческий
сборник**

Технический редактор С.А. Ветчинников

Подписано в печать 12.05.2012 г. Формат 60x80 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 7,25 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 63

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru